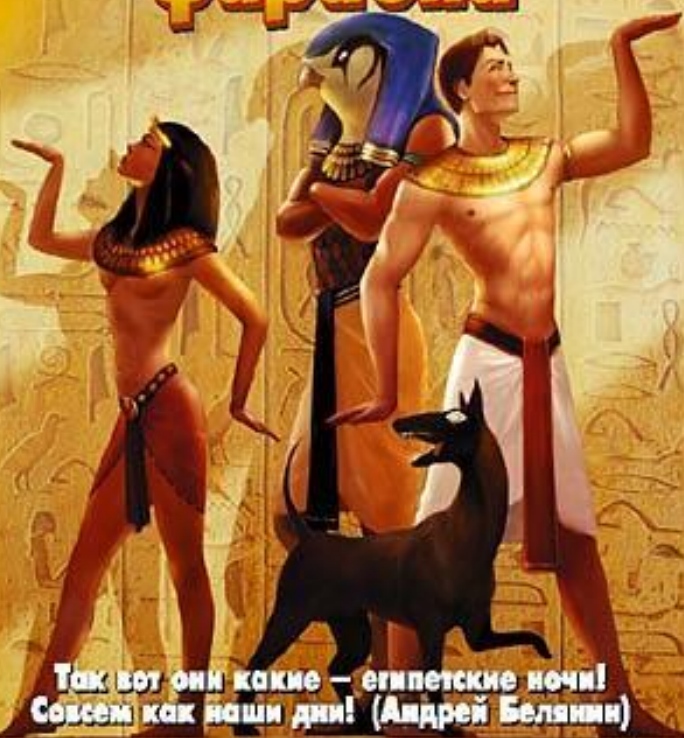

Андрей Чернецов

Владимир Лещенко

Чародей фараона

Так вот они какие — египетские ночи!
Совсем как наши дни! (Андрей Белянин)

Владимир Лещенко
Андрей Чернецов
Чародей фараона
Серия «Чародей», книга 1

Фензин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121763

*Андрей Чернецов, Владимир Лещенко Чародей фараона: Армада,
Альфа-книга; Москва; 2004
ISBN 5-93556-439-4*

Аннотация

При дворе фараона Хеопса переполох. Похищен царский сын Хемиун – архитектор, исчезновение которого поставило под угрозу возведение знаменитой пирамиды. Найти Хемиуна поручено начинающему археологу Даниилу Горовому, силой неведомой ему магии занесенному из Москвы XXI века в Древний Египет XXVI века до нашей эры.

Испытаний на пути к достижению цели будет немало: тут и дьявольские подземелья, и атакующие полчища самых разных гнусных тварей, и интриги всесильных египетских богов... у которых, кстати, далеко идущие планы по установлению контроля над Землей.

Даниил и его верные друзья и помощники, говорящий пес по кличке Упуат и наследный принц Джедефхор, смело пускаются в опасное предприятие.

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	43
Глава четвертая	58
Глава пятая	74
Глава шестая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов Чародей фараона

*И Его Величество царь Верхнего и Нижнего
Египта Хуфу, правогласный, сказал:*

*– Пусть дадут одно печенье, одну кружку
пива, лепешку ладана главному херихебу, писцу книг
Джаджаеманху, ибо я познакомился с примером его
искусства.*

*И сделали так, как приказал Его Величество.
Царь Хеопс и волшебники. Весткарский папирус*

Часть I ТА-МЕРИ – ЗЕМЛЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Глава первая НЕ УПОМИНАЙ ИМЕНИ ВСУЕ

- Ты что здесь делаешь, Судья?
- Да вот, кто-то открыл Проход. А кто и зачем – неизвест-

но... А самого-то тебя каким ветром сюда занесло, Проводник?

– Я услышал Зов.

– Странно, я тоже. И звали так настойчиво, что я решил бросить все и посмотреть, кто же это обо мне вспомнил.

– И что теперь делать будем? Проход открыт.

– Да уж, нечего сказать, проблема. Не стоять же здесь вечно, ожидая, пока все само собой зарастет.

– Ты знаешь правила, Судья. Нужен двойник.

– Ох-ох-ох. Чувствую, наемся мы со всем этим. Ладно, Проводник, действуй в соответствии с Законом.

– Даешь добро?

– Сказал же, действуй.

– Что-то мне интонация не нравится. Произнеси официальную формулу.

– Бюрократ ты, братец!

– С кем поведешься. Итак, я жду.

– Изволь, изволь. Я, Стоящий Впереди Запада, даю тебе, Открывателю Путей, дозволение на проведение операции «Двойник».

– Вот так-то лучше. Ну, я пошел!

Большой надувной мяч пестрой птицей перелетал от одного игрока к другому. Стайка загорелых юношей и девушек самозабвенно отдавалась волейбольным страстям, встречая дружным веселым смехом каждый неуклюжий пас кого-ли-

бо из их пляжной компании.

Данька тоскливо поглядывал то на волейболистов, то на серо-голубые волны Москвы-реки, призывно манящие окунуться, то на уже наполовину опустевший ящик с «правильным пивом» «Бочкарев», укрытый в кустах от палящих лучей июньского солнца.

Ну какая несправедливость. Вон младшекурсники, успешно свалив всю сессию и благополучно перейдя на следующий курс, резвятся себе и горя не знают. А он, вместо того чтобы присоединиться к ним, кукует над толстенной переводной монографией по египтологии. И для чего, спрашивается? Чтобы, получив вожаденную красную корочку, снова усесться за книги, скропать одну или две диссертации и до пенсии работать в родном вузе на кафедре экзоориенталистики?

Скучно! Об этом ли мечтал, поступая на факультет космической археологии? Где путешествия на заброшенные древние планеты или хотя бы в экзотические страны старушки-Земли? Все враки, приманка для доверчивых абитуриентов, готовых выложить бешеные бабки за обучение в солидном вузе на престижном отделении! Жизнь проходит, а до сих пор ничего путного, заслуживающего увековечения на скрижалях истории не произошло. И это в двадцать один год! Да другие в его возрасте уже о-го-го! Эх!

– «Анубис, обитатель камеры для мумии, правитель божественного дома, возлагает свои руки на умершего, чье сло-

во – истина, и говорит: „Почет тебе, ты блаженный, хозяин! Ты видишь Уто. Птах-Сокар перевязал тебя. Анубис вознес тебя. Шу поднял тебя, о Прекрасный Лик, ты – правитель вечности...“»

– Вот хрень собачья! – в сердцах выругался горемыка-студент. – Черт бы побрал всех этих Анубисов, Упуатов и Осирисов!

Нет, все-таки напрасно поддался он на уговоры Анюты и потащился с ней на пляж. Завтра защита диплома. Нужно иметь ясную голову. А тут река, солнце, горячий песочек, прохладное пиво, красивая кареглазая девчонка...

Одним словом, уже третий час Данька никак не может сосредоточиться на тонкостях заупокойного культа египтян эпохи Древнего царства – темы его дипломной работы.

И ведь говорил Нюшке, что напрасно она затеяла этот культпоход на пляж. Так надулась же, как мышь на крупу: «Ты со мной никуда не выходишь! Совсем с тобой затворницей сделалась».

Прямо-таки никуда. Только за последний месяц четырежды на дискотеку заглядывали.

А культпоход на стриптиз-шоу?

Он до сих пор краснеет, вспоминая об этом позорище. Первое отделение еще куда ни шло. Девочки подобрались что надо. Признаться, было на что посмотреть. Анюта даже собиралась закатить ему сцену ревности: «Чего пялишь-

ся-то? Блондинка понравилась? Так и выбирал бы себе блондинку! Впрочем, еще не поздно». Еле утомонилась после двух порций «Маргариты».

Во втором отделении был мужской топless. Тут пришел уже Данькин черед поволноваться. То ли так «Маргарита» подействовала, то ли сказалось провинциальное происхождение (Нюшка приехала в Москву из Магадана), то ли она хотела отомстить неверному кавалеру за его «неприличное поведение», но девчонку, что называется, пробрало. Анята кричала как сумасшедшая, подбадривая мускулистых парней на более решительные действия; пыталась засунуть мятые пять геоларов (между прочим, Данькины) за резинку плавок одного из сверкающих оливковым маслом мачо.

Даниил только сумрачно поигрывал желваками и потихоньку наливался текилой. Мексиканское пойло помогало слабо.

Но худшее произошло в третьей части программы, когда ведущий объявил конкурс среди зрителей. Победителю был обещан приз – двести геоларов. Нюшка вдруг одарила своего спутника каким-то уж чересчур ласковым взглядом.

- Ты меня любишь? – поинтересовалась.
- Ну? – заподозрил неладное Данька.
- Нет, скажи, что любишь! – закапризничала девушка.
- Люблю.
- И готов ради меня на самый безумный подвиг?
- Допустим, – состорожничал он.

– Не кажется ли тебе, что эти самые две сотни нам бы очень даже не помешали? Как-никак каникулы на носу. Лето, пора отпусков. Можно было бы куда-нибудь смотаться. Например, в твой любимый Египет.

Анюта умильно посмотрела на него и прижалась к плечу.

– Между прочим, у меня диплом. Потом распределение.

– Не будь таким занудой! Скажи прямо: отстань, не до тебя, мол. Разойдемся, как в море корабли.

– Перестань! – оборвал ее Данька.

Эта девчонка могла из него веревки вить. Они встречались почти год. Даниил уже познакомил ее со своими родителями. В общем, все плавно шло к закономерному финалу с обручальными кольцами, фатой, шампанским и маршем Мендельсона.

– Тебе это точно нужно? – заглянул он Нюшке прямо в глаза и не увидел там ничего, кроме пьяного упрямства.

– О'кей.

Данька, опрокинув рюмку текилы, решительно направился к подиуму, где у шеста уже кривлялись парочка пьяненьких полураздетых девиц и тощий парень, успевший снять футболку и носки.

Оттерев конкурентов на край подиума, Даниил Горовой начал свой номер. Он исполнял танец бога Анубиса из древнеегипетских мистерий Осириса. Целомудренный и одновременно развратный до неприличия. Псоглавый судья подземного царства демонстрировал собственные мощь и си-

лу братоубийце Сету – красноглазому повелителю пустыни. Псоглавый бог издевался над противником, дразня его, предрекая неминуемое поражение от воинства добра и света...

Впоследствии парень и сам не мог толком объяснить, что на него тогда нашло. Всего за несколько дней до этого ему попалась книга английского профессора (кажется, жившего еще до изобретения паровоза) Алекса Енски «Анубис и Упуат: два египетских псоглавых бога», где он, собственно, и вычитал описание танца. Каким образом эта информация всплыла у него в мозгу в нужную минуту и, главное, как он сумел воспроизвести все те сложные па, из которых состоял танец, Данька объяснял исключительно волшебным действием мексиканской кактусовой водки. Одним словом, двести призовых геоларов перекочевали к нему в кошелек. И еще столько же мелкими купюрами тяжело дышавший Горовой, одеваясь, обнаружил засунутыми за резинку собственных плавок. Кто и когда их ему туда напихал, он, хоть убей, не мог вспомнить.

– Нет, ну не гад ли! – возмущалась Нюшка, когда они возвращались домой. – Извращенец проклятый! Что ему от тебя было нужно?!

Гневные филиппики адресовались администратору развеселого заведения, только что покинутого ими. Тот выюном отирался вокруг Даньки, уговаривая молодого человека подумать о карьере профессионального стриптизера. Грех, де-

скасть, не использовать такие данные, дарованные родителями и матушкой-природой.

Анюта чуть глаза ему не выцарапала. Горовой же лишь ехидно посмеивался, наблюдая за перебранкой своей возлюбленной и толстого потливого коротышки. Чтобы подлить масла в огонь, он обещал толстячку поразмыслить на досуге над его пропозицией и даже милостиво принял дисконтную карту стрип-бара с присовокупленной к ней визиткой господина администратора.

— Мало ли, — подогревал Даниил праведный гнев подружки, — а если я завалюсь на защите? Будет хоть чем на кусок хлеба заработать...

Парень вздохнул и снова углубился в чтение.

Это была все та же монография Алекса Енски об Анубисе и Упуате. Старая, изданная еще в конце XX века. Данькин научный руководитель, академик Еременко, принес ее и еще несколько книг по сакральной археологии, настаивая на том, чтобы его подопечный уделил этому антиквариату, отпечатанному просто на бумаге, а не на обычной полимерной пленке, особое внимание. Отчего так, выяснилось только вчера. Оказывается, некое зарубежное светило, крупный специалист в области «сакралки», на несколько дней приехало в российскую столицу на международный симпозиум египтологов. И академику пришло в голову пригласить почтенного гостя, своего давнего приятеля и оппонента, на за-

щиту диплома любимого ученика. И мы, мол, не лыком шиты. И у нас имеются труды в данном направлении.

Сакральная археология, основоположниками которой были знаменитые ученые XX века Дмитрий Володихин и Хельга Эллис, переживала сейчас второе рождение. Внезапно выяснилось, что в трудах «сакралыщиков» скрыт такой научный потенциал, который способен продвинуть далеко вперед все отрасли археологии, в том числе и космическую.

– Так что ж теперь, вызубрить все наизусть? – опечалился выпускник Горовой.

– Твое дело, – развел руками Еременко. – Но чтоб не опозорил меня, старика, перед Европами. Понравишься англичанину, может, пригласит тебя в свою экспедицию. Он как раз собирается в Египет на раскопки недавно открытой гробницы Эхнатона.

– Хорошо бы, – помечтал студент. – Луксор, Долина Царей. Хотя и не мой период, а все равно интересно.

– Я понимаю, что не твое время. От Древнего царства до Нового – это ж полторы тысячи лет. Погоди, придет черед и Гизы. Хотя, что там копать возле этих великих пирамид? Все давным-давно копано-перекопано. Кстати, этот иностранец еще та штучка. Характерец у него...

Академик не договорил, но по выражению его лица Данька понял, что защита будет не из легких.

В голову, слегка кружившуюся от выпитого «Бочкарева», никак не хотели лезть слова зауспокойных гимнов, обращен-

ных к Анубису и Упуату.

– «Мое место укрытия открыто, – читал вслух Даниил, надеясь, что так он лучше запомнит текст, – мое сокровенное место открыто. Духи падают ничком в темноте, но Око Гора делает меня святым, а Упуат нянчит меня!»

Стоп, стоп, стоп. Вроде бы он это уже сегодня читал. Точно. Раза три или четыре. И тоже вслух. Надо же. И не запомнилось.

Вот зараза! Какая же зараза это «правильное пиво»!

Попробуем дальше. Вот еще одна закладка. Триста тридцать пятая страница:

– «Обрати доброе внимание, о праведный Судия Анубис, на коромысло весов, чтобы подтвердить таким образом свидетельство!»

Ничего себе! И это ему знакомо.

Да уж, отдохнул красиво с «правильным пивом». Тут пора принимать волевое решение: либо с пляжа долой, либо, плюнув на все, оторваться по полной программе.

Его внимание привлекла большая черная собака, выскочившая из кустов.

«Как-то подозрительно она выглядит. На волка похожа. И без намордника. Но вроде бы не бродячая. Такая вся ухоженная, хоть и немного худовата».

Данька любил солидных, основательных псов.

– Где же твой хозяин, дружище? – поинтересовался Горой у четвероногого.

Пес, естественно, не ответил. Только жалобно шмыгнул носом.

– Потерялся, бедолага, – кивнул Даниил. – Погоди, сейчас угощу чем-нибудь вкусеньким.

Он потянулся к сумке, куда предусмотрительная Нюшка насовала всякой снеди, и достал пластиковый пакет с нарезанной колбасой. Колбаса была дорогая, сыровяленая (не соя – натуральное клонированное мясо, кажется, кенгурятина). Анюта по случаю успешной сдачи сессии совершила налет на гастроном «Новоарбатский».

– На, побалуйся «Брауншвейгской».

Странно, деликатес не вызвал у собаки должного интереса. Осторожно обнюхав темный с вкраплениями сала остро пахнущий кружочек колбасы, волчок выразительно фыркнул и, как показалось Даньке, с презрением скривился.

– Перебираешь харчами, скотина? – поразился студент. – Тогда проваливай подобра-поздорову.

Собака гавкнула и... осуждающе покачала головой. Даниил еле удержался от того, чтобы перекреститься.

«Привидится же. Нет, четвертая бутылка „Бочкарева“ была явно лишней».

– Данька-а-а! – послышался Анюткин голос – Бросай свою книжку, зубрила несчастный! Иди к на-ам, разомнись!

Парень помахал ей рукой. Играйте, играйте. Я скоро.

Когда он вновь повернул голову, странного пса уже не было.

Что-то легонько стукнуло его по макушке.

Мяч.

Отскочив от Данькиной головы, он покатился в кусты.

– Даня-а! Подай нам мячи-ик! И пивка принеси, пожа-
лу-уйста-а!

Вздыхнув, Горовой поднялся на ноги и поплелся в заросли
искать резиновый пузырь.

Анюткины подружки с восхищением и легкой завистью
посмотрели ему вслед. Везет же некоторым. Ну и оторва эта
Анька. Без году неделя в столице, а уже успела закадрить та-
кого-о парня. Красив, как юный греческий бог, добрый-доб-
рый. Ну и умный, конечно. Впрочем, это не главное.

– Поди найди тут мячик-то! – приговаривал парень, раз-
двигая колючие ветки. – Никак Упуат лапу приложил! Вме-
сте с Анубисом!

За его спиной послышалось деликатное покашливание.
Парень резко обернулся.

В двух шагах от Даньки стоял его новый хвостатый зна-
комый. Одну из передних лап он положил на разыскивае-
мый мяч и легонько перекатывал его вперед-назад. Длинные
миндалевидные глаза пса с вызовом смотрели на молодого
человека.

Что-то тревожное сжало сердце Даниила Горового.

– Ну-ка пошел прочь! – прикрикнул он на черного при-
шельца, но тот и ухом не повел.

Собачья пасть оскалилась в непонятной гримасе, похожей

на улыбку.

– Вот я тебе сейчас задам перцу, нахалюга! – пригрозил псу парень и оглянулся по сторонам в поисках какой-нибудь палки.

«Волчок» снова не испугался, только еще шире разинул пасть. Потом он ловким движением специально обученного циркового животного поддел лапой мяч и, подбросив его вверх, поймал на нос.

Резиновый пузырь юлой завертелся на черном шершавом носу псины. Быстрей, быстрей...

Данька, как замороженный, следил за этим бешеным верчением, чувствуя, как у него ни с того ни с сего делаются ватными ноги и потихоньку начинают слипаться глаза. Он тряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, потом ущипнул себя за руку. Помогло слабо.

А мяч между тем вдруг почему-то стал расти и наливаться рыже-золотым сиянием.

– Так не бывает! – с усилием выдавил из себя парень.

– Лови!

Огненный шар ударил прямо в Данькину грудь.

– Да-а-ня-а-а!!

Темнота.

– Ну что, Судья, как здесь?

– Все в полном порядке, Проводник! Проход закрылся.

– Вот и отлично. Можем наконец отдохнуть.

– Смотря кто...

– Как прикажешь тебя понимать?

– Поступила вводная: тебе придется стать опекуном «двойника».

– С чего бы это?

– А я почему знаю? Велено, и все. Не я ль тебя предупредал, что мы еще наемся со всем этим?

– Я буду жаловаться, Судья!

– Твое право, Проводник, твое право.

Глава вторая

САМ НАРВАЛСЯ

– Джеди, вставай, лежебока!

Кто-то довольно бесцеремонно теребил его за плечо. Он с трудом открыл глаза.

Прямо над ним нависла страшная волчья морда с оскаленной пастью. Длинные торчащие уши и миндалевидные прищуренные глаза окантованы золотой каймой. Голова покрыта искусно завитым париком, разделенным на три толстые пряди. Две из них по обе стороны шеи спадали жуткому существу на грудь, а третья прикрывала затылок.

Монстр продолжал все так же настойчиво трепать его плечо.

«Наверное, у меня солнечный удар. И еще это „правильное“ пиво...»

– Ну, вставай же, Джеди! Хватит притворяться. Видно же, что ты уже не спишь.

– Ой, мамочки! – дурным голосом завопил Данька и со всей дури заехал глюку кулаком в нос.

Тот клацнул зубами и отлетел метра на два, шлепнувшись на пол. Что-то жалобно задребезжало.

Даниил вскочил на ноги и с неописуемым удивлением огляделся по сторонам.

Какая-то комната. Через небольшое круглое окно прони-

кал слабый свет, плохо освещавший тесное помещение. Посреди комнаты стояла колонна, поддерживающая деревянную кровлю.

Обстановка была явно небогатой. Узкая деревянная кровать из струганых досок – ни тебе матраца, ни подушки, ни одеяла. У окна расположился стол, на котором в беспорядке перемешались глиняные тарелки, плоски, листы желтоватой бумаги, какие-то канцелярские принадлежности.

Два колченогих табурета, между которыми на полу и валялось охающее и стонущее чудо-юдо: толстобрюхий полуголый мужик с собачьей головой.

– Ты чего? – плаксивым голосом вещало оно. – Пива вчера перепил?

– Сгинь, сгинь, рассыпся! – попробовал применить нехитрое заклинание Данька, неумело творя в воздухе крестные знамения.

– Джеди, перестань, ради Великой Девятки! Это же я, Каи.

С этими словами монстр схватился за уши. Дернул что есть сил.... И превратился в полного темноволосого парня примерно одного с Данькой возраста. То, что Горовой принял за голову, оказалось обыкновенной маской.

– Ты чего, дурик, людей зря пугаешь? – окрысился студент. – И вообще, кто ты такой, и куда это меня занесло? А, наверное, это будка спасателей или медпункт? Ты из пляжной obsługi?

Смуглый толстяк с жалобным видом потирал наливаю-

щийся под глазом синяк.

«Вот беда, еще штраф платить придется, – подумал Даниил. – И, как назло, при себе бумажника нет».

Он по-прежнему был в одних плавках. А какой другой прикид подходит для пляжа? Не в джинсах же загорать и купаться.

«И куда это Ньюшка запропастилась?» – беспокоился вдруг.

– Сам ты обслуга! – разобиделся парень. – Надо меньше пить!

– Это точно, – виновато согласился с мудрой сентенцией Данька. – Кстати, откуда взял прикид? Клевая масочка. Копия ритуальной личины, которую надевали древнеегипетские жрецы Анубиса во время обряда мумификации. Что, отдыхал в Египте? В Хургаде или Шарм-эль Шейхе?

– Где-где? – удивился толстяк.

– Не прикалывайся! – разозлился Горовой. – Так где маску раздобыл? Продать не хочешь?

Парень как-то странно посмотрел на Даньку и начертил в воздухе непонятный знак.

– Я, конечно, могу. Но с чего бы это тебе покупать у меня свои собственные вещи?

Теперь уже изумился будущий историк.

– Хочешь сказать, что это *моё*!

– Ну да! Это же твой дом, Джеди!

Прошло минут пять или даже больше, пока Данька наконец вышел из ступора. Все это время толстяк с видимым сочувствием рассматривал его и тихонько вздыхал.

– Так, начнем с самого начала! – решительно рассек рукой воздух студент. – Ты кто?

Смуглячок скуксился, но терпеливо сказал:

– Я Каи, твой друг. Младший помощник писца при канцелярии Принца.

«Вот хрень-то!»

– А я тогда кто, по-твоему?

– Ты – Джеди. Тоже младший помощник писца его высочества. Мы вместе учимся у достойного Чипсески искусству начертания священных иероглифов. А это твой дом.

«Угу. Дело ясное, что дело темное».

– Тогда еще одно: мы где?

– У кого брал пиво-то? У Сетисенеба, наверное? Я ведь тебе не раз говорил, что этот гад в свое пойло подмешивает дурман-травы для крепости. А потом обирает посетителей...

– Ты не ответил, – нетерпеливо напомнил Данька. – Где мы сейчас находимся?

– Да в славном городе Меннефер, дружок, лучшем из городов Земли Возлюбленной!

На этот раз Данькин ступор продолжался с добрый час.

Он не ослышался? Толстяк сказал «Меннефер» и «Та-Мери – Земля Возлюбленная»? И это значит...

Это могло значить одно из двух. Либо он, Даниил Серге-

евич Горовой таки свихнулся по причине перегрева на солнышке, усугубленного беспорядочным и неумеренным распитием алкогольных напитков. Либо...

Нет, бред собачий!

Не может быть, чтобы он каким-то неведомым чудом очутился в... Древнем Египте. Именно так, Та-Мери, а еще Та-Кемет – Черной Землей называли свою страну египтяне во времена фараонов.

Нонсенс! Фантастика!

Ну-ка, попробуем еще.

– А что за принц ходит в наших начальниках?

– Ну, брат, клянусь Золотым Гором, ты таки точно захворал! Вот скажу его высочеству, прикажет с тебя шкуру спустить! Вырядился по-дурацки! Что это у тебя на чреслах за срам?

Данька опустил глаза. В чем дело? Нормальные стринги. Ньюшкин подарок на День защитника Отечества. Проговорилась, что сто монет выложила: «У Тебя в них такой сексуальный ви-ид! Обалдеть!»

Он перевел взгляд на собеседника. Тот был точно так же, как и Даниил, практически обнаженным. Только вместо плавок носил белый гофрированный передник, похожий на юбочку. На вкус Горового, так лучше бы вовсе телешом ходить, чем надеть на себя такое. Но с модой не поспоришь.

– Каи, дружище, не кипятись. Мне и правда нехорошо. Толстяк утомился и подобрел.

– Ладно, доложу начальству, что у тебя лихорадка. Хвала богам, что наш Джедефхор не чета прочим принцам. Хафра точно бы тебя крокодилам скормил – за такое непослушание. Отлежись тут до завтра. Но чтоб с утра явился к раздаче заданий. У нас запарка. Джедефхор второй день туча тучей ходит.

– Что так? – вяло поинтересовался Данька, никак не могущий переварить полученную информацию.

– А Тот его знает! – огрызнулся Каи. – Ну, я побежал. Се не б!

– И тебе здоровья, – в свою очередь пожелал ему Горовой.

Факультет, или, как его предпочитали гордо именовать преподаватели, Институт космической археологии (ИНКА), образовался при Московском университете в середине XXI века на волне бурного подъема отечественной космонавтики и расширения программы космических исследований. Тогда, после успешных полетов россиян на Марс, Венеру и в район колец Сатурна, казалось, что не за горами прорыв в Большой Космос. К этому нужно было серьезно готовиться.

Не могла остаться в стороне и археология. Как же! Открытие новых планет непременно потребует специалистов в данной области. Собрать материал, проанализировать, составить общую картину развития или угасания цивилизации – это дело нужное, серьезное и ответственное. Вот горстка ученых-энтузиастов и решила создать такое заведение, где

могли бы готовить космических Эвансов и Шлиманов.

Как и многое у нас, новый институт возникал, что называется, на голом месте. Не было ни четкой концепции того, чему и как будут обучать студентов, ни учебников, ни оборудования. Программы писались коллективно и с лету, становясь плодом многочасовой «мозговой атаки». Вот и появились в учебных планах заведения такие необычные предметы, как «Теория и практика психологической адаптации в экстремальных условиях жизни», «Основы темпонавтики» и т. п. Совершенно не представляя, как могут выглядеть и по каким законам могут развиваться неземные цивилизации, мудрецы от истории, взяв за основу древние культуры Земли, создали «Экзоориенталистику», базировавшуюся на обобщении опыта цивилизаций Древнего Востока, «Космоантику» – производное от античности, «Астромедиевистику», уходящую корнями в европейское Средневековье.

Проходили годы, десятилетия. Освоение Большого Космоса шло со скрипом. К началу XXII века земляне еле-еле вырвались за пределы Солнечной системы. ИНКА постепенно превращался в обычный истфак. Наборы стремительно сокращались, и руководству приходилось давать студентам наряду с «космическими» вполне земные специальности. Так, Данька, учившийся на отделении экзоориенталистики, должен был получить в диплом еще и «традиционную» запись: ученый-египтолог. Однако экзотические предметы по-прежнему преподавались и изучались. И даже со-

вершенствовались, обрстая научным и методическим аппаратом.

Данька, в отличие от многих своих однокашников, вполне серьезно относился к изучению «научно-фантастических дисциплин», как презрительно именовали их студенты ИНКА. Посещение этих занятий было факультативным, и лишь редкие зубрили типа Горового записывались на лекции по «Психадаптации». Теперь, оказавшись в такой ситуации, парень впервые по достоинству оценил свою предусмотрительность. Он вполне осознавал, что если бы не способность взять себя в руки и спокойно проанализировать ситуацию, выработанная им в течение трех лет посещения практикума, то впору было бы свихнуться.

То, что происходило с Данькой здесь и сейчас, до боли напомнило ему сюжеты старых фантастических романов, читанных им в детстве: «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, «Затерянного мира» Конан Дойла, «Меча Без Имени» Андрея Белянина.

– Вот еще, лорд Скиминонок выискался! – одернул себя парень. – Лучше подумай, что делать будешь! Если все это не сон, конечно.

Он пока еще надеялся, что вот сейчас проснется на московском городском пляже, сбрызнутый речной водой из ладошек Нюшки, и расскажет ей о своем удивительном, сказочном путешествии.

Но сон, увы, длился. И приходилось напрягать серое ве-

щество, чтобы окончательно не впасть в прострацию.

Упомянутые Каи имена принцев позволили Дане с примерной точностью прикинуть свое положение во времени.

Его любимое Древнее царство. Четвертая династия.

Джедефхор и Хафра были сыновьями Хуфу, или по-гречески Хеопса, второго фараона из этой династии, строителя первой из трех Великих Пирамид. Причем Хафра – Хефрен станет наследником отца и возведет вторую по величине пирамиду. Что же касается Джедефхора, то эта фигура была окутана таинственным мраком. Великий мудрец и волшебник, в свое время отказавшийся от египетской короны в пользу братьев, вот и все, что сохранилось о нем в анналах истории. Любопытно будет с ним познакомиться...

«Боже, о чем я только думаю! – покрылся холодным потом студент. – Поразмыслил бы лучше над тем, как вообще выжить в этих жутких условиях. Чем я питаться буду?! Одних болезней, неизвестных нашей науке, тут видимо-невидимо. И никаких лекарств, антибиотиков и витаминов. Даже примитивной зеленки небось нет!» «И как я умудряюсь понимать то, что мне говорят? – вновь проснулся в Даньке профессиональный ученый-историк. – Совсем незаметно языкового барьера. Я, конечно, изучал древнеегипетский. Но ведь всего лишь письменный. Как по-настоящему звучала живая разговорная речь древних египтян, никто не знает. Странно, что и меня понимают. Вероятно, тоже издержки телепортации. И еще. Интересно, куда подевался настоя-

щий Джеди, место которого я занял? Да, без бутылки тут не разобраться. И лучше бы не „Бочкарева“, а „Гжелки“...

Он так и промаялся в тревожных раздумьях до самого вечера. Пока же суд да дело, решил произвести ревизию и заодно навести порядок в доме, который стал его собственностью. Вон как все захламлено. Сплошное свинство. Бардака Горовой-младший терпеть не мог. Сказывались гены отца-полковника. Кроме спальни (она же кабинет и столовая) в доме обнаружили еще две комнаты, такие же крохотные: прихожая и кухня. Главенствующее место в кухне занимала переносная глиняная печь, высотой около метра, с дверцей в нижней части для подачи воздуха и выгребания золы. На печи возвышался средних размеров бронзовый закопченный котел с двумя ручками. Пустой, как определил разочарованный студент.

В другом углу кухни находилась ванна, правда, столь миниатюрная, что принимать ее можно было только в сидячем положении.

„И это неплохо“, – рассудил новоявленный домовладелец и вернулся в центральную комнату.

Сначала сунул нос в посуду, захламлявшую стол. В одном из горшков оказалась вполне съедобная на вид и совсем неплохо пахнущая каша, сваренная, скорее всего, вчера.

Ячневая, определил Данька, мучимый почти гамлетовским вопросом: „Съесть или не съесть?“ Он понимал, что

это, в принципе, равнозначно классическому: „Быть или не быть?“ Питаться в любом случае чем-то нужно. Однако можно съесть и выжить и в то же время, если его организм окажется неспособным принимать иновременную пищу, можно с такой же легкостью отбросить копыта.

– Что решим? – подмигнул Данила черной базальтовой фигурке птицеголового Тота, стоявшей на специальной полочке в углу комнаты. – Будем дегустировать или помрем с голодухи?

Древнеегипетский бог мудрости, покровитель писцов и чародеев, даже не повернул в сторону человека свой длинный журавлиный нос. Дескать, решай сам. Юноша счел молчание знаком согласия и запустил руку в горшок. Ложки поблизости не наблюдалось.

Каша была очень даже недурной на вкус. Как видно, варил знаток кулинарного дела. Сам Данька при всей своей учености был неспособен на такой подвиг. У них дома кухней заведовала бабушка, мамина мама.

„Изумительно! – пришла в бурный восторг Анюта, впервые отведав знаменитых бабулиных расстегаев, и тут же заканючила: – Ангелина Сергеевна, миленькая, возьмите на выучку. А то после вашей стряпни моему Данилушке никакие разносолы в рот не полезут!“ – „Ну-ну!“ – только и ответила тогда бабушка, которой не очень понравилось то, что эта бойкая девица столь безапелляционно именует ее драгоценного внука своим. Правда, вскоре обе дамы поладили.

И не последнюю роль здесь сыграла их обоюдная страсть к кулинарии. Ангелина Сергеевна с удивлением обнаружила, что шустрая провинциалочка знает бездну старинных русских рецептов, которые не были зафиксированы ни в одной поваренной книге. И это растопило сердце бабушки, давно махнувшей рукой на неспособную к „настоящему женскому делу“ дочку профессора и уже не чаявшей передать по наследству семейные кухонные тайны.

На завтра был назначен торжественный экзамен, где Нюшка должна была показать все то, чему выучилась за последние полгода. Ей предстояло приготовить праздничный семейный ужин по случаю защиты Данькой диплома...

„Где они теперь? – загрустил парень, доедая кашу. – Наверное, уже всю московскую милицию на уши поставили“.

Чтобы отвлечься, он решил перемыть посуду. Благо, вода под рукой имелась. Два деревянных ведра были наполнены чистой, чуть теплой водой.

Не без трепета выполнял Даня этот обыденный ритуал, от которого дома, как правило, всеми правдами и неправдами отлынивал. Еще бы! Собственноручно мыть египетскую керамику эпохи Древнего царства. Целую, целехонькую, как будто вчера сошедшую с гончарного круга. Впрочем, может быть, и впрямь вчера.

Любовно расставив посуду сушиться на столе, юноша занялся гардеробом. Вся одежда Джеди помещалась в большом деревянном ларе, расписанном сиенами охоты на гипс-

попотама. Здесь было несколько чистых, таких же, как и у Каи, гофрированных передников и две или три тонких льняных рубахи до пят. На самом дне сундука обнаружились пара новых кожаных сандалий, широкое ожерелье-нагрудник из бронзовой проволоки, украшенной перегородчатой эмалью, и пара наручных бронзовых же браслетов. Изучив содержимое „платьевого шкафа“, Данька пришел к заключению, что Джеди был не из совсем бедных. Скорее всего, относился к классу свободных неджесов – землепашцев.

Судя по нескольким листам папируса, найденным Горыным в доме, его „двойник“ только недавно начал постигать искусство письма. Начертание иероглифов было нетвердым. Часто повторялись одни и те же слова: дом, хлеб, гробница, вода, земля, солнце. Очевидно, это были прописи с домашними заданиями. Сам Даниил Сергеевич считался у себя в университете настоящим мастером по части практической иероглифики. Даже академик Еременко завидовал той бойкости, с которой его любимый ученик пользовался древнеегипетскими письменами.

„Пригодится. Насколько мне помнится, в Та-Мери грамотные люди были в почете“.

Подметая пол, хозяйственный Данька решил заодно вытряхнуть сплетенные из стеблей папируса циновки. Сгреб их в охапку, зажмурился и, энергично пнув дверь ногой, вышел вон.

Это были первые шаги, сделанные россиянином из XXI века по земле Древнего Египта XXVII века до Рождества Христова.

Он почувствовал себя Нейлом Армстронгом, впервые ступившим на лунную поверхность, или Казимиром Абдуллаевым, поднимающим флаг на Марсе. Впору было начать распевать гимн.

С замирающим сердцем приоткрыл сначала один, потом второй глаз. Вокруг сгущались сумерки, и не было видно ни души.

Оглянулся на оставшийся за спиной дом и обнаружил, что тот был „полутораэтажным“, сложенным из кирпича-сырца. Над первым этажом возвышалось невысокое чердачное помещение.

Двор был огорожен глинобитным забором, Достигающим Даньке до груди. На этом небольшом клочке земли росли две финиковые пальмы и пара чахлых кустов. Закончив осмотр „поместья“, молодой человек убедился в правильности своих первоначальных предположений. Дом действительно принадлежал семье свободных землепашцев – недже-сов. Возможно, он достался Джеди по наследству от родителей. По крайней мере, следов присутствия кого-либо еще, кроме „младшего помощника писца его высочества“, в доме не обнаружилось.

И все же кто-то сварил парню вкусную кашу, кто-то с любовью разбил во дворе клумбу и ухаживал за цветами.

Кто? Разве что сам Джеди не гнушался девчоночьих занятий.

„Поживем – увидим“.

Представьте себе, что вы оказались там, где мечтали побывать всю жизнь. Неужели вас не потянуло бы тут же ринуться все разглядывать и осматривать? Правильно, потянуло бы.

Вот и Данька не смог подавить в себе здорового любопытства историка. Как человек рациональный и трезвомыслящий, он понимал, что, выйдя за ограду дома, подвергнет собственную жизнь многочисленным опасностям. Но возраст, но непоседливый характер не давали ему усидеть на месте. Не все ли равно, когда он выйдет за пределы своей шаткой, ненадежной крепости?

„Чему быть, того не миновать“, – понадеялся парень на русский авось.

О проблеме хроноклазма, когда любое его действие может нарушить пространственно-временной континуум, Данька впопыхах напрочь забыл. А если бы и вспомнил, то какая теперь разница: нарушит не нарушит, изменится ли грядущее или нет? Он-то находится здесь и сейчас. А что там будет – это уже не его заботы.

Вернувшись в дом, молодой человек переоделся по местной моде. Надел белый гофрированный передник и длинную рубаху из тонкого льна. С сомнением повертев нагрудник,

решил, что это будет излишеством. А вот от браслетов не отказался. Форсить так форсить.

Не без содрогания Данька открыл калитку и выскользнул в ночной Меннефер – первую столицу Древнего Египта, которую греки называли Мемфис.

Высоко в небе стояла полная луна, освещавшая все вокруг вместо привычных сердцу москвича фонарей. В бледно-желтом свете город выглядел мрачно и таинственно. Однако и такая подсветка давала возможность кое-что рассмотреть. Даниил надеялся, что это не последняя его экскурсия по Меннеферу и ему еще представится возможность рассмотреть все хорошенько и подробненько. А пока – первая вылазка. Разведка местности, так сказать.

Парень один раз был в современном ему Каире в составе научной делегации от университета. Теперь он получил возможность сравнить, что было на этой земле прежде и что станет в будущем.

Судя по планировке и размещению домов, юноша находился в квартале бедняков. Местность прорезала улица шириной метров восемь или девять. Ее под прямым углом пересекали многочисленные узенькие переулки. Дома стояли так, что их фасады выходили на улицу, а задние стены смыкались одна с другой.

Горовой свернул в один из переулков. Его внимание привлек дом, выглядевший богаче, чем остальные. Хотелось

рассмотреть поближе этот образчик местной архитектуры.

Внезапно прямо из-под его ног с диким воплем вылетела кошка. Не заметив зверька, студент наступил зеленоглазой на хвост. Отскочив на пару шагов, кошка огласила окрестности жалобным мяуканьем.

– Извини, дорогая, засмотрелся, – сделал попытку оправдаться Даня, но кошка, как видно, разобиделась не на шутку.

Мяуканье переросло в настоящий вой.

– Да ты всех вокруг переположишь! – шикнул на голосистую парень и, подобрав с земли легкий камешек, метнул его в сторону кошки.

– Ты чего же это творишь?! – раздался у него за спиной вопль. – Люди добрые! Священное животное убивают!

Данька не успел даже развернуться, как некто накинулся на него сзади и, обхватив руками, попытался свалить наземь, продолжая оглашать окрестности истошными криками:

– Негодный сын ослицы и шакала! Порождение Сета! Поднять руку на воплощение богини Бает!

„Ну вот, – приуныл студент. – Как говорил один из героев Мольера, ты этого хотел, Жорж Даден“.

Что в переводе на русский значило: сам наварлся. Противник попался достаточно крепкий и не обделенный силенкой. Это Горовой сразу же ощутил на собственной грудной клетке. Ее сжало, как в стальных тисках; стало трудно дышать. Молодой человек постарался успокоиться и собраться.

Когда это ему удалось, он попытался ударить неприятеля.

ля затылком. Потом парень быстро выбросил левую ногу по дуге вперед, перенося вес тела и одновременно двигая руки вперед и в стороны. Присел и крепко сжал кулаки.

Развернув туловище вправо, Данька обратил лицо к животу противника. Тот оказался весьма внушительным, с пивной бочонок. Парень поднял левую руку вверх, а правым локтем резко двинул во вражеское брюхо. И тут же передней частью левого кулака заехал защитнику кошек в лицо.

Данька тяжело шлепнулся на пятую точку. Мгновение посидев так, очумело трясая головой, он схватил студента за край рубахи и вновь принялся за свое:

– На помощь! Караул! Убивают! Грабят!

– Почтеннейший, – урезонивал его москвич, – опомнитесь. По-моему, это вы первый на меня напали.

Сварливый мужик, услышав звук Данькиного голоса, вдруг застыл, продолжая при этом удерживать в руках полу рубахи своего противника.

– Джели? – ошеломленно прошептал он. – Так это ты, негодник?! – В его голосе появился металл: – Так-то ты мне платишь за все хорошее?

– Папаша! – возмутился студент. – Да я впервые вас вижу! Или, вернее сказать, слышу, потому как лицо ваше скрыто во мраке ночи.

– Ко мне-э-э! – истошно взвыл мужик. – Хори! Амени! Нахт!

Послышался топот многочисленных ног, и к одному про-

тивнику прибавилось еще три или четыре. Причем в руках одного из нападавших была длинная палка.

– Проучите его хорошенечко! – приказал им любитель четвероногих.

Даниил тут же успокоил его молниеносным ударом по ушам. Мужик вякнул и занял горизонтальное положение. Не давая врагу опомниться, юноша перешел из обороны в атаку. Сунул кулак в лицо одному, двинул ногой в пах второму, толкнул боком третьего. Неприятели посыпались в разные стороны как горох.

– О Сет!

– Мои зубы!

– Нос, он сломал мне нос!

Четвертый, вооруженный шестом, топтался на месте, не зная, что предпринять.

– Ну! – цыкнул на него Данька. – Чего стоишь? Нападай!

Подняв шест вверх, египтянин ринулся вперед, намереваясь ударить юношу по голове.

Горовой ускользнул вперед и влево, уходя с линии удара. Ребром правой руки он отбил запястье и только-только примерился, чтобы схватить левой рукой локоть противника, как сзади на его затылок обрушился тяжелый удар.

Студент упал на колени; Перед тем как погрузиться во тьму, он еще успел заметить, как некий странный клубок метнулся к пятому, зашедшему со спины врагу, державшему в руках увесистую дубину.

– Джеди, очнись!

Кто-то довольно бесцеремонно теребил его за плечо.

Он с трудом открыл глаза.

Прямо над ним нависла страшная волчья морда с оскаленной пастью. Длинные торчащие уши и миндалевидные прищуренные глаза окантованы золотой каймой.

„Ну нет, дружище! На этот раз ты меня не проведешь!“.

Выбросив руки вперед и вверх, Данька схватился за уши личины и что есть силы потянул. К его удивлению, маска не снялась. Да и ухо на ощупь оказалось совсем не картонным, а очень даже натуральным: теплым, мягким, шерстистым.

– Ты чего дерешься? – возмутилось видение. – Больно же! И это благодарность за спасение!

У Даниила начали закатываться глаза.

– Э-э! – скомандовало чудище. – А вот этого не нужно! Ты же не девушка, чтоб падать в обморок при встрече с обыкновенным богом!

Невзирая на предупреждение, молодой археолог все же отключился.

Снова в чувство парня привел влажный компресс, которым некто заботливый протирал его лоб, глаза и щеки.

– Ньюшка, – слабо простонал Горовой. – Мне тут такая гадость примерещилась. Ты представь...

Движение компресса приостановилось. Данька разлепил веки. Гм-гм... Интересный компресс. Какой-то розовый,

шершавый, похожий на губку. Висит себе в воздухе и подергивается. Да это же...

Язык!

– Ну что, Джеди, пришел в себя? Снова все та же оскаленная волчья пасть.

– Я не Джеди, – попробовал протестовать.

– Да знаю, знаю, – досадливо прорычал монстр. – Очухивайся поскорее. Надо потолковать.

Парень вздохнул и сел на кровати. Поморщился от резкой боли, ударившей в затылок. Пощупав голову, обнаружил там здоровенную шишку.

Поводив глазами туда-сюда, выяснил, что находится в „своем“ доме.

– Кто это меня сюда притащил? – спросил, боясь взглянуть на собеседника.

– Те парни, которых ты отделал. Славную трепку им задал, молодец! Давно не получал такого удовольствия от созерцания драки.

Польщенный похвалой, студент таки посмотрел на говорившего.

Ага, старый знакомый. Волчок с московского пляжа. Не зря он показался Даньке каким-то подозрительным.

– Вы... – начал Горовой, но решил, что псу много будет чести, и перешел на более фамильярный тон. – Ты кто такой?

– Упуат, – ответила псина, поудобнее устраиваясь на кровати напротив человека. – Приходилось слышать?

– Угу, – подтвердил парень, окончательно удостоверившийся, что слетел с катушек.

Упуат – древнеегипетский бог – Проводник душ в Царство Мертвых, изображавшийся в виде черного волка. Как же, как же. Наслышаны-с.

– Вот и славненько, – осклабился песик. – Приятно иметь дело с образованной аудиторией. Итак, вкратце обрисовываю ситуацию. Своими ритуальными танцами... Понимаешь, о чем я речь веду?

Студент понурил голову. Проклятый стриптиз!!

– Черт бы побрал эти дерьмовые башли! – Ага, понял. Так вот, своими танцами и неосторожным обращением со священными текстами ты добился того, что в Дуате открылся Проход. Ты знаешь, что такое Дуат?..

Конечно, как всякий уважающий себя египтолог, Данька знал. Дуат – в египетской мифологии место, где пребывали умершие. Своего рода преисподняя, „совсем глубокая, совсем темная и бесконечная“. Также Дуат отождествлялся с горизонтом, то есть местом, куда заходит солнце. И наконец, это была часть Вселенной, откуда на Землю будто бы явились нетеру – великие боги египтян, царствовавшие несколько тысяч лет. Академик Еременко выдвинул идею, что нетеру были пришельцами с Сириуса или Ориона. Теория эта вызвала ожесточенные споры в научных кругах и имела своих защитников и опровергателей. Последних почему-то было больше.

Самому Даньке было гораздо легче принять на веру инопланетное происхождение богов Та-Мери, в том числе и своего визави, чем поверить в их сверхъестественную сущность. Издержки атеистического воспитания сказывались, что ли?

– ...Здесь, с этой стороны, одновременно с тобой такими же экспериментами занялся твой „двойник“ Джеди. Он попал в зону воздействия Потока и был затянут во Врата. Что с ним случилось потом, неизвестно. Наш Главный пытался отыскать его след, но так и не смог. Вероятно, Джеди повезло меньше, чем тебе, и он погиб. Но Проход было необходимо закрыть. Иначе в Дуате начался бы хаос. Вот и пришлось тебя перенести на место „двойника“. То есть сюда, в Та-Мери.

„Проход. Дуат. Врата. Неужели Еременко был прав?“

– И что теперь?

– А то, что теперь я, Открывающий Пути, словно какая-то сторожевая собака должен охранять тебя от бед и напастей! – с возмущением пролаял волчок. – Вот уж точно, сам наварлся.

– Отчего же вдруг моей скромной персоне оказана такая честь?

– Я почему знаю! – буркнул Упуат. – Попробуй разберись в этих тонкостях политики руководства.

Нам, простым исполнителям, не положено шибко мудрствовать и заниматься самодеятельностью.

Он презрительно сплюнул. Так, по крайней мере, показалось Даниилу.

– Послушай, – дрогнувшим голосом обратился парень к волчку. – Как ты думаешь, есть ли у меня шанс когда-нибудь вернуться назад?.. Домой?

Ушастый поразмыслил немного и признался: – Понятия не имею. Надо бы у Тота поинтересоваться. Он у нас специалист по предсказаниям. Но ему сейчас не до этого. Жрецы его собственного святилища держат Носатого чуть ли не в плену, заставляя надиктовывать „святые откровения“. И попасть туда тяжело. Сам же Тот об этом и позаботился. Понаделал, длинноносый, таких хитроумных ловушек, что любой из нас ногу сломит. Ох и лютовал наш Главный по этому поводу, ох и лютовал!

– А кто у вас Главный?

– Много будешь знать, скоро состаришься! Ишь, какой приткий! Все секреты ему сразу открой!

– Что же мне делать? – Обживайся пока. А там посмотрим...

Глава третья

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО

Утренний, самый крепкий и самый сладкий сон Даньки был бесцеремоннейшим образом прерван появлением в его доме постороннего лица. Данное лицо оказалось существом весьма крикливым и голосистым. Заслышав издаваемые им звуки, Даниил Сергеевич спросонку потянулся было к тумбочке, дабы усмирить разбушевавшийся китайский будильник, но вдруг вспомнил, что и тумбочка, и часы остались в той, другой его жизни. Но на особенные раздумья по этому поводу времени не было, так как горластый некто от звуков перешел к действиям. По груди парня замолотили маленькие кулачки, и это окончательно пробудило его от грез.

Решив в этот раз обойтись без каратешных приемов и членовредительства, юноша просто легонько накрыл кулачки-колотушки своими руками и открыл глаза.

– Анька! Ты-то здесь какими судьбами?! Вот здорово!

– Немедленно отпусти, гиппопотам несчастный! – возмутилась девушка, тщетно пытаясь освободить руки из стальных тисков.

Только теперь Даниил понял, что ошибся. Склонившаяся над ним девчонка как две капли воды походила на его московскую любовь, и все же это была не Нюшка. Во-первых, ее волосы – темные, воронова крыла, а не русые с рыжин-

кой. Во-вторых, эта была чуточку полнее и, стоит признать, несколько сексуальнее. Даньке удалось без малейшего труда провести сравнение благодаря излишне легкому туалету брюнетки, одетой в тонкое, полупрозрачное платье с разрезом почти до пояса. А в остальном: круглое лицо с ямочками на щеках, большие карие глаза, изящный носик, алые пухлые губы, два ряда ровных жемчужных зубов – ну, просто вылитая Аня. Но какая сердитая...

– Что ты натворил?! – бушевала девушка. – В своем ли ты уме? Ни за что ни про что напал на отца, отколотил его, избил слуг!

„А, – догадался студент. – Так это она о ночной драке. Получается, что толстяк и правда мой знакомый. А это, выходит, его дочка. Хм, да у этого Джеди есть приятные знакомства. И вкусы у нас тоже одинаковые“.

– Какие только демоны тебя надоумили? – осуждающе причитала брюнетка. – Снова, конечно, пива перепил?

– С правильным пивом отдохнешь красиво! – попробовал отшутиться Данька.

– Ага, красиво! – передразнила она его. – Так красиво, что отец поклялся отобрать у тебя дом за долги! А для начала прекращает платить за твою учебу! И так, дескать, до конца исполнил долг перед своим покойным другом, твоим отцом. На ноги тебя поставил, к месту определил. И ты его так за все отблагодарил!

Высвободив-таки руки, она прикрыла ладошками глаза и

горько зарыдала. Парень почувствовал себя не в своей тарелке. Он, как всякий настоящий мужчина, терпеть не мог женских слез.

Приобняв девчонку за плечи, попытался ее успокоить. Та, уткнувшись ему в грудь, разревелась еще пуще, причитая:

– Что теперь буде-ет? Где ты стане-ешь жить? Че-ем пита-аться? Кто за тобой будет присматрива-ать?

„Ох, – вздохнул Горовой, – все они одинаковы. Думают, на каждой из них свет клином сошелся“.

Из-под кровати осторожно выбрался Упуат и, просеменив к кровати, принялся ласково лизать руку брюнетки. Девушка удивленно посмотрела на волчка. Глаза ее моментально высохли.

– Это еще кто? Джели, ты что, завел себе собаку? Самому же есть нечего!

Ушастый одарил ее взглядом, в котором читалось легкое презрение.

– Ничего, – бодренько молвил Данька. – Прорвемся как-нибудь!

Пес одобрительно ему подгавкнул.

– Вижу, боги совсем лишили тебя ума! – обиделась девчонка и, подхватившись с места, гордо и независимо прошествовала к двери.

– Эй! – попробовал остановить ее парень. – Ты куда?! Постой! Аньк...

– Да пусть уходит, – пролаял Упуат, едва брюнетка вы-

шла. – Никуда не денется! Видно же, что втрескалась в тебя по уши!

Молодой человек покачал головой.

– Я даже не знаю, как ее зовут.

– Вот уж проблема так проблема! – съехидничал волчок. – У него дом отбирают, со службы выгнать собираются, а он ломает голову над тем, как же зовут его подружку! Да, видно, не зря Главный отдал приказ присмотреть за тобой! Как вы там только у себя живете?

– И все-таки, – Данька продолжал мечтательно смотреть на дверь, за которой скрылось прекрасное видение.

– Да расслабься, – осклабился нетеру. – Анх ее зовут, А-анх!

– Анх? – переспросил Данька. – Это значит „жизнь“.

– Правильно, – похвалил четвероногий. – А сейчас собирайся. Я тебя провожу к месту, где ты служишь. Каи заждался. И принца не стоит зря гневить.

– Но как же дом? – нерешительно огляделся по сторонам Данька, уже успевший привыкнуть к своему новому жилищу.

Упуат досадливо тряхнул головой:

– Не твои заботы! Все и без тебя прекрасно уладят...

При солнечном свете Меннефер – Мемфис выглядел значительно приветливее, чем ночью.

Идя бок о бок с древним, древнее, чем эта земля, суще-

ством, молодой человек расслабился и с любопытством глазел по сторонам. А что. Ему было твердо обещано, что, находясь под защитой четвероногого нетеру, он пока может ничего не опасаться. Отчего бы не воспользоваться ситуацией и не побыть в качестве интуриста. В смысле, иновременого туриста. Жарковато, конечно. Спасибо, Упуат надоумил не надевать рубаху, а идти в одном переднике. Но вот то, что пес не рекомендовал ему обуться, Даньку не радовало. Никогда еще он так долго не ходил босиком. Причем по довольно неудобной дороге.

– Терпи! – порывивал на спутника Путеводитель. – У нас не принято, чтобы неджесы в будние дни разгуливали в сандалиях. Слишком дорогое удовольствие. Даже вельможи, да что там, сам фараон, жизнь, здоровье, сила, не позволяет себе такой роскоши.

– Хреновые у вас тут порядки, – проворчал Дани-

– Можно подумать, у вас получше, – отбрил волчок. – Как вспомню, чем ты меня „угостить“ хотел, сразу чесаться начинаю. Как вы можете употреблять в пищу такую гадость?!

– Хороша гадость! Пятнадцать геоларов за кило!

– А пиво?! – продолжал ужасаться Упуат. – Я было лизнул пробку, чтобы... м-м-м... продегустировать. Так чуть не стошнило!

– Не, тут ты не ври. „Бочкарев“ – правильное пиво. Сто пятьдесят лет на рынке – это тебе не шуточки!

– Погоди! – грозился Ушастый. – Вот я тебя угощу пивом,

сваренным нашим Хнумом. То ли запоешь! В рот больше не возьмешь своего „Бочкарева“...

Постепенно кварталы бедняков закончились. Улицы стали пошире, а дома пороскошнее. Иные из них раз в пятьдесят превышали размерами домишко Джеди.

Повеяло прохладой.

Понятно, они приближались к великой реке, давшей начало египетской цивилизации, Нилу – Итеру. Фараон и знать предпочитали селиться вдоль ее берегов.

Свернув с центральной дороги налево, на мощенную розовым камнем улицу, спутники вскоре оказались у великолепного дворца, поражающего четкой продуманностью архитектурного плана. Здесь напрочь отсутствовали излишества, типичные для жилищ вельмож, так и пытавшихся выставить напоказ свое богатство. В то же время по всему было видно, что здесь обитает птица высокого полета.

Особенно хорош был сад, разделенный на квадраты и прямоугольники прямыми, пересекающимися под прямым углом тенистыми аллеями из деревьев и виноградных шпалер с цветниками. Данька отметил, что хозяин дворца собрал у себя почти все деревья, росшие в долине Нила: финиковые, фиговые и кокосовые пальмы, сикомор, акацию, иву, гранат, тамариск, персик. Среди деревьев стояло несколько изящных беседок. Вероятно, для дневных трапез.

Когда они проходили мимо большого, облицованного

камнем прямоугольного пруда, водную гладь которого покрывали лилии, Упуат вдруг забеспокоился и принялся вертеть головой. Его длинные узкие глаза хищно сощурились, а черная шерсть на загривке стала дыбом.

– В чем дело? Кошку увидел? – попытался пошутить Данька, но волчок так на него окрысился, что молодой человек предпочел заткнуться.

– Добрались-таки! – буркнул Путеводитель. – А я-то уже понадеялся, что все обойдется.

– Кто добрался? – не понял Горовой.

– Да эти, – пренебрежительно прохрипел волчок, – ревнители благочестия и порядка.

– Кто-кто?

– Стражи Дуата. Акху.

– Акху? – переспросил археолог. – Это „Преображенные“, „Просветленные“?

– Я б их так преобразил и просветил, что им бы мало не показалось! Но пока сам волчок предпочел сделаться как можно более незаметным. Он прилег на землю и пополз вперед на животе. – А ты чего стал, как Гелиопольский столб?! – гавкнул он на Даниила Сергеевича. – Ложись! Едва Данька успел бухнуться на травку, как у него над головой что-то блеснуло, и толстый ствол ближайшей финиковой пальмы точно бензопилой срезало. – Ух ты! – восхитился Данька. – Это что, лазер или бластер? – Тебе не все ль равно, чем твою башку снесут? – мелко дрожал Упуат. – Но они совсем обор-

зели! Нападать среди бела дня?! Или это...

Они полежали так еще немного, но следующего выстрела не последовало.

– Поднимайся! – скомандовал пес – Это было всего лишь предупреждение. Больше они не сунутся. Пока, во всяком случае.

Москвича так и распирало здоровое любопытство. В научной литературе ему часто попадались термины нетеру и акху. Первым обозначались боги Египта, а вот что означал второй – продолжало оставаться загадкой. „Тексты пирамид“ утверждали, что акху пришли на смену нетеру и стали после них править в Земле Возлюбленной. Но как и почему произошла смена власти – об этом знали разве что авторы „Текстов“.

Парень сунулся было с расспросами к Упуату, но нарвался на непроницаемую глухую стену. Четвероногий с нескрываемой агрессивностью реагировал на любое упоминание об акху.

В канцелярии принца Джедефхора, а дворец и сад принадлежали как раз этому отпрыску славного фараона Хуфу, Даньку приняли весьма и весьма нелюбезно.

– Ага, явился, не запылится! – грозовой тучей надвинулся на него тощий мужик с кислой мордой.

Судя по леопардовой шкуре, переброшенной через плечо, и бритому непокрытому черепу, перед Даней был некто,

принадлежавший к сословию жрецов. Наверное, даже старший жрец, потому как несколько мужчин, одетых точно так же, но явно моложе „кисломордого“ годами, навтыжку стояли поодаль, с почтением внимая тому, как шеф распекает проштрафившегося. Между ними прятался и Каи. На нем не было жреческого одеяния, но лицо его выражало полную солидарность со священнослужителями.

„Предатель!“ – угрюмо подумал Данька, который чувствовал себя неудобно.

Упуат, то ли удрученный недавним инцидентом в саду, то ли тоже испугавшийся грозного тона здешнего начальства, забился в дальний полутемный угол и там замер, как памятник самому себе.

– Так вот, подлый нарушитель спокойствия! – бесновался „шеф“. – Наше терпение лопнуло. Мы больше не хотим и не будем потакать твоим гнусным выходкам. Много тебе прощалось, многое. Но то, что ты, презренный, сотворил вчера!

Он задохнулся от нахлынувшего возмущения.

– Поднять руку на достойнейшего Неферкаптаха, своего опекуна, можно сказать, второго отца! За это тебя следовало бы отправить на медные рудники или на галеры! Однако душа благородного Неферкаптаха далека от того, чтобы платить злом за зло. Пусть тебя Анубис осудит перед ликом вечногоживого Осириса! Но платить за твою учебу опекун больше не намерен. Это станет для тебя хорошим уроком. Немедленно собирай свои манатки и убирайся вон из святого ме-

ста! Писец-недоучка!

– Да больно надо! – огрызнулся Горовой, которого драматическая ситуация едва не рассмешила, напомнив собственное прошлое, когда его чуть не отчислили с факультета за „аморальное поведение“.

Он тогда вступился за девчонку, к которой приставали пьяные хулиганы. Подоспевшая, как всегда, к шапочному разбору милиция при виде трех ползающих у ног атлетически сложенного парня заморышей не разобралась в ситуации и забрала Даньку в кутузку. Естественно, потом, когда все выяснилось, его отпустили и извинились. Но информацию, отосланную в деканат по электронной почте, дезавуировать позабыли. Вот и пришлось чуток постоять на ковре.

– Что ты там вякнул? – напыжился „шеф“.

– Больно надо, говорю, здесь учиться! Я и без вашей школы пишу не хуже, а то и лучше любого из присутствующих.

От такой наглости „кисломордого“ едва кондрашка не хватила.

– Ты, ты, ты.!! – только и мог он повторять какое-то время.

– Что здесь происходит? – раздался от дверей приятный и мелодичный молодой голос.

Каи и младшие жрецы разом повалились ниц, а начальник согнулся в низком поясном поклоне. Заслышав предупреждающее поскуливание Упуата, студент тоже счел необходимым последовать примеру других. Развернувшись для начала лицом к двери, он затем распростерся на полу, укра-

шенном глазурованной плиткой.

– Кто мне объяснит, почему шум? – с досадой повторил пришедший. – И встаньте, наконец!

Данька поднялся и исподтишка принялся разглядывать новое лицо.

Это был парень лет шестнадцати или около того. Стройный, но не очень высокий, с изящными руками и ногами. Красивое лицо с тонкими чертами пылало гневным румянцем. Голову юноши покрывал полосатый платок – немее, положенный по статусу фараону и его близким. Как и Данила, молодой человек был бос и полуобнажен. Из одежды на нем имелся лишь традиционный передник. Но не гладкий, а гофрированный. Он поддерживался широким поясом из змеиной кожи с металлической пряжкой в виде овала-картуша с превосходно исполненными иероглифами.

„Джедефхор“, – прочитал надпись молодой археолог. – Ага! Хозяин припожаловал».

– Всему виной, о милосердный царевич, – выступил вперед «шеф», постаравшийся сменить кислую мину на своей физиономии на более приветливую и подобострастную, – этот никчемный неджес.

Принц перевел взгляд на Даньку. Москвич с удивлением отметил, что глаза у Джедефхора были... голубыми.

– Ты снова проштрафился, Джеди?

«Ого, да мы, выходит, лично знакомы с его высочеством!»

– На этот раз дело зашло далеко, клянусь светлым Ра-А-

тумом! Этот негодяй, напившись вдрызг, зверски избил достойного Неферкаптаха, своего опекуна. По своему милосердию, купец ограничился лишь тем, что отказался впредь вносить плату за обучение этого злодея ремеслу писца. И вот, вместо того чтобы покаяться и достойно принять наказание, этот помет шакала начал бахвалиться, что пишет лучше любого из нас. Представляете, ваше высочество! Он, который еле-еле способен нацарапать пару священных знаков, именует себя искусным писцом! Уморил, клянусь светлым Ра-Атумом, уморил!

Царевич снова вонзил в Горового цепкий взгляд холодно-ледяных очей.

– Ты говорил это, Джеди?

Парень принял вызов:

– Да, ваше высочество!

– Охальник! – заорал «кисломордый». – Как стоишь перед принцем? Очи, опусти очи долу, мерзавец!

– Остынь, Чипсеска! – осадил его Джедефхор. – Лучше подготовь все к испытанию. – Он опять повернулся к Даньке. – За свои слова нужно отвечать, Джеди. Ты согласен?

– Полностью, великий господин!

– Итак, если ты сейчас удивишь нас своим каллиграфическим искусством, то можешь считать себя прощенным. Твое дальнейшее обучение и совершенствование в мастерстве я возьму на свой счет...

– Но, ваше высочество!.. – налился краской Чипсеска.

– Если же твои слова – не более чем пустое бахвальство, – продолжал голубоглазый принц, – то твоя участь будет печальной. Тебя ждут галеры, Джеди. А перед отправкой на них – хорошая порка. Ну, ты согласен?

Горовой сделал вид, что колеблется. Чипсеска, хихикая, довольно потирал руки. «Ну, погоди, шеф!»

– Согласен, светлый принц!

В небесных очах Джедефхора полыхнуло веселое пламя.

– Письменные принадлежности сюда!

Каи, суетясь, принес пару листов папируса, краску и кисточку для письма. Данька с видом тонкого знатока пощупал кисть. Нормально, тонкая. Приятель расстарался.

Расстелив перед собой желтоватый папирус, студент примерился, как станет писать. Вообще-то следовало бы расчертить лист для верности, чтоб строчки были ровнее. Но пусть, сойдет и так.

– Готов? – поинтересовался с улыбкой принц. – Да!

– Начнем! Чипсеска, диктуй! Только не спеши! Пусть все будет по-честному.

– Хм, – поджал губы жрец, но, не смея ослушаться повеления царевича, начал медленно, по складам читать:

– «Сделайся писцом! Он удален от мотыги и кирки. Ты не будешь носить корзину, избавит это тебя от доли гребущего веслом. Писец – это тот, кто облагает Верхнюю и Нижнюю Земли, кто получает от них подати, кто исчисляет имущество всякого...»

Данька улыбался. Текст был ему хорошо знаком. Он знал это школьное древнеегипетское упражнение наизусть. Потому кисточка в его руках ласточкой летала по поверхности листа. Студент перестал вслушиваться в диктанта, писал по памяти.

Он не мог заметить, как вытягивалось лицо Чипсески, с ужасом следящего за движениями руки псевдо-Джеди. Тот же благоговейный страх был написан на лицах помощников начальника канцелярии принца и толстяка Каи. Даже принц, казалось, слегка растерялся. Его тонкие светлые брови удивленно вздернулись вверх, а взгляд забежал по комнате и вдруг остановился, наткнувшись на разлегшегося под одним из столов Упуата. Всего несколько секунд продолжался поединок человеческих и волчьих глаз, после чего Джедефхор почтительно склонил голову. – Чудо! – раздался громкий шепот. Это не смог сдержаться бедняга Чипсеска, потому что испытуемый закончил писать раньше, чем экзаменатор дочитал свой диктант до конца. Нетвердой походкой жрец прошествовал к столу и отобрал у Даньки папирус. Пробежав его глазами, он страдальчески скривился и с поклоном передал лист принцу. Джедефхор, косясь то на волчка, то на Горового, ознакомился с результатами экзамена.

– Ты победил! – признал голубоглазый. – А теперь следуй за мной!

Он вышел вон из канцелярии, Данька и Упуат подались за ним.

– Чудо! Чудо! – неся им вслед взволнованный голос Чип-сески.

Глава четвертая

ПРОПАВШИЙ АРХИТЕКТОР

– Верхом на лошади когда-нибудь ездил? – как бы невзначай поинтересовался принц, когда троица оказалась на улице.

Археолог кивнул. В своей группе он считался неплохим наездником.

За его спиной раздалось осуждающее ворчание Путеводителя. Что, опять он сплеховал? Естественно. Какой же древнеегипетский неджес привычен к езде на лошади. Это удел благородных, знати. Крестьянин должен ходить пешком. В лучшем случае в качестве средства передвижения он может себе позволить осла. – Тут на ушастых и жрецы не стыдятся разъезжать.

Тяжело, оказывается, держать экзамен не в институтской аудитории, а в «полевых условиях».

Джедефхор, казалось, не заметил оплошности «младшего помощника писца». Или просто не подал вида.

Они прошли к дворцовой конюшне, и царевич велел запрячь двух скакунов. Его повеление тут же исполнили. Вообще, Даниил заметил, что у здешних слуг не было той тупой рабской покорности, которую им приписывали ученые XIX–XX веков. Археолог не уставал поражаться. Что ни говори, а прав был старик Гете насчет того, что «теория су-

ха». Древнеегипетская действительность оказалась намного более неожиданной и захватывающей, чем в самой полной монографии или полнобюджетном голливудском блокбастере. Не потому ли, что там все было построено на догадках, гипотезах, а здесь просматривалось в «реальном времени».

Даньке достался резвый вороной жеребчик. Подойдя к нему вплотную, молодой человек поначалу с, видом знатока огладил гриву и шею коня. Сам же в это время присматривался к упряжи. Как-то он с ней совладает?

Сбруя состояла из намордника с двумя поводями, соединявшимися узлом, из налобника, удила и наглазников. Голову лошади защищал чепец со страусовыми перьями. К удилам были привязаны вожжи. Легкое седло не имело стремян. М-да... проблема!

Джедефхор, уже сидевший верхом на богато убранном скакуне белой масти, с откровенным любопытством наблюдал за действиями строптивного неджеса.

«Что ж, ваше высочество, поиграем в индейцев».

С молодецким гиканьем Горовой запрыгнул в седло. Жеребчик попытался было его сбросить, но парень удержался в седле. Вороной побесился еще малость, да и присмирел.

– Молодец! – от всего сердца похвалил голубоглазый. – С Сетом не каждый управится. Давай за мной. Постарайся не отставать.

Он пустил своего коня рысью. Примерно с полчаса или больше молодые люди скакали по городским кварталам. По-

зади них, метрах в двадцати, следовала вооруженная охрана. Немного, всего семь всадников. Даниил даже слегка удивился. Как-то не так представлял он себе выезд фараонова сына. И почему это прохожие не падают ниц, завидев их кавалькаду, а всего-навсего приветливо вскидывают правую руку и с улыбкой машут принцу и его спутникам. Неужели этот совсем еще молодой парень, у которого еще молоко на губах не обсохло, успел заслужить всенародную любовь и доверие? Хотя, если прикинуть, что люди в это время и в этой стране выросли очень рано, то...

Упуат куда-то запропал. Но едва всадники оказались за городской чертой, волчок вновь объявился. Пристроившись справа от Данькиного жеребца, он словно не бежал, а летел, почти не касаясь лапами песка. Вороной испуганно косил на ушастого глазом и пофыркивал. Путеводитель показал скакуну язык, дружелюбно повилял хвостом, и между ними установилось зыбкое подобие приятельских отношений.

Дома и сады внезапно закончились, и всадники выехали на берег Нила. Великая река лениво катила Желтовато-голубые волны вдаль, к Средиземному морю. Время половодья уже давно миновало, и теперь ничего не могло поколебать размеренно-медлительной Жизни Итеру.

На пристани они спешили. Царевич нетерпеливым жестом подозвал местного начальника и приказал подготовить царскую ладью. Затем Джедефхор отдал распоряжения командиру отряда сопровождения, сказав, что на тот берег он

отправится лишь вдвоем с Джеди. По лицу кавалериста пробежала едва заметная тень, однако открыто вступить в спор с принцем он не посмел.

– Не волнуйся, Рахотеп, – почти дружески похлопал его по плечу Джедефхор. – Со мной ничего не случится. Я под надежной охраной.

Военный с сомнением посмотрел на парня с черной собакой, уже разместившихся на борту, и лишь покачал головой. Этого досадливо-растерянного жеста царевич не заметил, так как уже начал подниматься по сходням.

– Что я скажу государю, если, не приведи боги, случится беда? – вздохнул Рахотеп.

После недавнего происшествия фараоном было велено усилить охрану принцев. Но как тут поспоришь с самым мудрым и рассудительным из отпрысков владыки, который, кажется, видит сквозь время и умеет читать самые сокровенные тайны в душах людей. Вон, стоит себе и как ни в чем не бывало улыбается старому вояке.

«Храни тебя Великая Девятка, сынок!»

Еще на полпути Данька догадался о том, куда они, собственно, едут, едва впереди сначала неясно, а затем все отчетливее замаячила величественная и загадочная фигура, вырезанная из цельной скалы. Гигантская статуя с телом льва и головой человека – Великий Сфинкс. Хоремахет – Хор на горизонте; Сешепанхатум – живое воплощение Ату-

ма – так его называли египтяне. А арабы, завоевавшие эту землю в VII веке, дали ему имя Абуль-Гол – Отец Ужаса.

Конечной целью их путешествия оказалось всемирно известное во времена Даниила плато Гиза, на котором находились три великих пирамиды – первое из семи чудес Древнего мира.

Уже давно, начиная с XX века, учеными высказывались гипотезы о том, что Сфинкс был сооружен здесь задолго до возведения пирамид. Это показывали результаты изучения следов водной эрозии на известняковом теле статуи. Но кто создал Сфинкса и для чего? И каким был его первоначальный вид? Эти вопросы оставались без ответов и в XXII веке. Во время своего научного турне в Египет Данька видел и пирамиды, и их безмолвного стража. Сравнивая увиденное тогда и видимое сейчас, юноша убедился в правоте фантастических гипотез египтологов-смельчаков. От исполина веяло немыслимой древностью. Правда, голова его была несколько больших размеров, чем в далеком будущем. И лицо, еще не искалеченное фанатиками-арабами и ядрами наполеоновских пушек, поражало четкостью линий и застывшим надменным выражением.

Странно, очень странно. Этот лик мало чем напоминал ту физиономию, которую имел великан в грядущем.

– Правогласный фараон Нармер после объединения земель приказал придать лицу Хоремахета черты портретного сходства с его собственным лицом, – пояснил Джедефхор,

заметивший, как пристально разглядывает молодой неджес статую. – Братец Хафра грозитя, что когда-нибудь, если боги даруют ему власть над Та-Мери, он велит все переделать. Догадываешься, чей портрет будет взирать на нас тогда?

Принц весело рассмеялся явной нелепице. Хафра был третьим, самым младшим сыном Хуфу. По закону после смерти отца престол должен перейти старшему сыну, Джедефхору. Если бы тот внезапно умер, не оставив потомства мужского пола, настал бы черед среднего брата, Джедефры. И только в случае кончины и этого принца, буде и он не обзаведется сыновьями, младшенький мог надеяться на двойную корону Та-Кемета.

Данька не поддержал веселья голубоглазого, задумавшись над превратностями судьбы. Знал бы царевич, что гордец Хафра таки воплотит свои угрозы в жизнь и «осчастливит» Сфинкса своим лицом. Что же такое может случиться в недалеком будущем, чтобы законный наследник престола Джедефхор уступил свое место сначала одному брату, а затем другому?

Тем временем Упуат с независимым видом просеменил к подножию гиганта и, задрав лапу, пометил территорию. Повернул острую морду к людям и вызывающе гавкнул. Дескать, кто и что имеет против? Естественно, претензий ему никто предъявлять не стал. Волчок лениво потянулся и улегся на песок в тени, отбрасываемой Хоремахетом.

Само плато Гиза, или по-здешнему Расетау, также вы-

глядело непривычно. Ну, конечно, ведь пирамиды еще не построены. Хуфу только недавно начал возводить свое погребное жилище.

Вокруг виднелись следы интенсивной подготовки к наиграндиознейшей стройке всех времен и народов. Десятки-другой людей сновали туда-сюда, расчищая гигантскую площадку, поливая грунт нильской водой, чтобы под лучами солнца он превратился в камень, способный выдержать вес нескольких миллионов тонн камня. Еще одна группа крестьян была занята на строительстве широкой дороги.

– А отчего так мало народу? – поинтересовался Данька, слегка разочарованный увиденным, у принца. – По-моему, государь велел не прекращать работы ни на день?

Сказал просто так, наобум, для поддержания разговора, но Джедефхор нахмурился.

– Вот об этом-то я и хотел с тобой переговорить...

Давно, в незапамятные времена, когда фараон Нармер, объединивший Верхний и Нижний Та-Кемет в единое государство и основавший Первую династию, еще звался Менесом, с неба упал священный камень Бен-Бен. Как раз там, где сейчас находится город Иуну.

Явление Бен-Бена сопровождалось огнем небесным, дождем из жидкой серы и расплавленного золота, а также трясением тверди земной. Три дня и три ночи остывала земля вокруг камня. И прошло еще три месяца, прежде чем люди

осмелились приблизиться к нему. А когда подошли, то увидели, что диво дивное – это и не камень даже, а что-то вовсе непонятное. Четыре грани его имели форму треугольников и были гладкие-прегладкие. Под слоем полировки проглядывались неведомые значки, похожие на священные иероглифы, которым Тот Носатый обучил в древности жрецов, основавших первые поселения на берегах Итеру – Великой Реки. Каким образом были нанесены эти значки на поверхность и почему их было видно – не смогли объяснить даже самые ученые из слуг великих богов. Словно кто-то покрыл камень слоем толстого, но прозрачного стекла. Однако ж не стекло это было.

Когда попытались сдвинуть камень с места, это удалось сделать с превеликим трудом. Хоть и невелик был пришелец с неба. Всего каких-то пять или шесть локтей в высоту. Но тяжелый, ужас! Понадобилась упряжка из четырех быков, чтобы сдвинуть его с места. И то протянули всего десять локтей. А потом пали на передние ноги и издохли. Скончались погонщики, а также те из жрецов, которые руководили работами по осмотру и транспортировке Бен-Бена.

Наутро Ра-Атум явил чудо. Огненный шар, напоминающий Солнце, родился прямо из вершины камня и устремился с громким воем ввысь, чтобы соединиться со своим небесным прообразом.

Тогда смекнули люди, что не желает Светлый бог, чтобы трогали его насест. Так и остался камень на прежнем месте.

Через девять лет Менес, бывший главным хранителем святого камня, объединил Черную Землю. В ознаменование великой победы его величество приказал возвести вокруг камня превосходный храм в честь Ра и изменил свое имя, став называться Нармером.

Бен-Бен возлежал под открытым небом, прямо посреди храмового двора. Со всех концов страны стекались сюда паломники, чтобы своими глазами узреть великое чудо. Кое-кто оставался, чтобы жить рядом с храмом. Так начал образовываться Иуну.

На последнем году правления фараона Нармера случилось еще одно чудо: С запада явилась серебряная птица Бену. Из клюва и хвоста ее сыпались искры и шел дым. Полетав над городом, она села как раз на храмовом дворе рядом с Бен-Беном. И испустила дух.

Люди во главе с царем пришли поклониться птице. В ответ на их пылкие молитвы и щедрые жертвоприношения из чрева Бену вышли светлые боги Ра-Атум, и Тот Носатый, и Хнум, и судья Подземного царства Анубис, и прочие небожители нетеру. И веселились люди, славя богов. И веселились боги, нахваливая людей.

Утром следующего дня птица Бену возродилась к жизни еще более красивой и величественной. Она улетела, унеся на своих крыльях дух правогласного Нармера Объединителя. А народ Та-Кемета жил безбедно еще много лет, вознося хвалу богам, камню Бен-Бен и святой птице, обещавшей когда-ни-

будь явиться снова. Когда грянет беда над ее Возлюбленной Землей.

Она являлась еще дважды. Всякий раз через один и тот же промежуток времени. Все время садилась рядом с камнем Бен-Бен. И уносила в неведомые дали, в обитель Солнца Ра того фараона, который правил в момент ее прибытия. Улететь на крыльях Бену стало сокровенным желанием каждого из владык. Но не всякий достоин был такой чести. Боги сами выбирают своих любимцев.

Начиная с правогласного Джосера, властители Та-Мери пытались бороться с судьбой. Чтобы привлечь к персоне царя внимание богов и приносящей их в своем чреве птицы Бену, придворный архитектор Джосера, Имхотеп удумал сотворить доселе невиданное и неслыханное. По наущению ли кого из великих нетеру, или по собственному разумению он построил для Ка его величества гробницу в виде огромного Бен-Бена. Но Бену не поддавалась на человеческую хитрость.

И вот основатель династии, правящей сейчас в Земле Возлюбленной, фараон Снофру, замыслил недоброе. Чтобы чары подействовали лучше, возжелал он забрать из святилища в Иуну подлинный камень и установить на вершине своей гробницы. Снофру рассчитывал, что птица Бену, прилетев в очередной раз, почует Бен-Бен и, как всегда, сядет возле него. И тогда вечно живая частица души фараона Ка устремится прямо к птице и сможет улететь вместе с ней.

Вероятно, Снофру не был достаточно благочестив и уте-

рял милость богов. Трижды начинал он сооружение гробницы. Причем в трех разных местах. И ни одна из попыток не увенчалась успехом. Так и умер он, не воплотив своего дерзкого замысла. При дворе, правда, ходили слухи, что царь пал жертвой заговора жрецов. Те не могли прямо помешать Снофру отобрать у них святыню и поставили условие, что отдадут Бен-Бен лишь в самый последний миг, когда камень уже должен будет увенчать строение. Договорившись так с фараоном, слуги божьи все время ревностно следили за тем, чтобы ни одна из гробниц не была достроена. Правда то или нет, но остается фактом, что жрецы некоторое время даже отказывались позаботиться о теле Снофру. Лишь под давлением нового владыки Хуфу они провели необходимые церемонии.

На третий год правления нынешнего фараона Хуфу, жизнь, здоровье, сила, явился государю во сне его небесный отец Ра-Атум и повелел продолжить дело, начатое Снофру. Великий бог, царь нетеру, указал создать на земле подобие небесного Дуата. Причем место – вот это самое плато Расетау – было выбрано самим Золотым Оком. Фараон и его наследники должны были соорудить не одну, а сразу три гробницы по количеству звезд Саху (Ориона), откуда и явились на землю святые нетеру. В случае, если царь в точности исполнит предписание светлого Ра-Атума, пообещал бог, из глубин небесного Дуата прилетит огненная птица Бену и унесет владыку с собой на блаженные поля Иару. Та же судьба была обещана и всем потомкам государя.

Воодушевленный видением, Хуфу велел тотчас же приступить к строительству и вверил руководство им своему сыну от одной из старших жен, Хемиуну, славившемуся искусством зодчего. Десять лет потратил Хемиун на подготовительные работы: сооружение дороги, укрепление грунта плато, разметку, выбор каменоломен. И вот теперь, когда все уже было практически готово к началу строительства гробницы, случилось нечто странное. Архитектор исчез...

– Как исчез?! – поразился Даниил, для которого все, поведанное ему до этих пор принцем, было и так известно.

Ну, почти все. Кое-какие детали из рассказа Джедефхора проливали свет на проблему замысла строительства великих пирамид.

– Да вот так! – огрызнулся голубоглазый. – Вышел утром из своего дворца, и больше его никто не видел.

– И как давно это случилось?

– Пять дней назад.

– И до сих пор ничего не предпринимали?!

– Ага! – скривился царевич. – Так-таки и ничего. Государь объявил розыск, назначил щедрую награду тому, кто отыщет Хемиуна или хотя бы укажет на его след.

– И?..

– Никаких результатов. Отец лютует. Уже казнил начальника дворцовой охраны и главу розыскной службы. Три десятка людей арестованы и подвергнуты пыткам...

Джедефхор насупился и, сплюнув, поник головой.

– Чем же я могу помочь? – осторожно поинтересовался Данька, уже смутно догадываясь, что он вляпался в очередную неприятность.

– Ну-у, – протянул принц. – Судя по твоим небывалым успехам, у тебя появились могущественные покровители. Возможно, из числа самих нетеру. И я даже догадываюсь, кто именно.

Голубоглазый вызывающе уставился на Упуата, который продолжал нежиться в тенечке. Волчок ответил царевичу таким взглядом, что юноша поспешил отвести глаза и сотворить знак, отгоняющий зло.

– Допустим, – не стал отпираться москвич. – И что из этого следует?

– А то, что ты должен будешь отыскать пропавшего архитектора.

– Ничего себе заявочка! – присвистнул археолог. – Только в роли сыщика я и не был! Новоявленный Эркюль Пуаро. Или нет, сам Шерлок Холмс!

– Кто эти люди, обладающие столь странными именами? – удивился Джедефхор.

– Не обращай внимания! – отмахнулся Данька. – Это я медитирую.

– А-а!

– Итак, вернемся к нашим баранам. Насколько я понял, создается оперативная группа по розыску его высочества Хе-

миуна, изволившего исчезнуть в неизвестном направлении?

Царевич кивнул, хоть и не совсем понял, что такое «оперативная группа».

– Начальник, естественно, ты? Снова кивок.

– Договорились, шеф. А моя должность какова?

– Я назначу тебя начальником своей канцелярии.

– Ага, ага, – захмыкал Горовой. – А старину Чипсеску, значит, того, пинком под зад, на пенсию? Не пойдет! Он хотя и вредный тип, но служака хороший. Ветеранов нужно уважать. Пусть себе работает на благо фараона и отечества. И вообще, я предпочитаю работать в тесной дружеской компании. Никого лишнего! Меньше народу – больше толку. Народная мудрость! Беру под свое начало одного Каи. Завтра с утра представляю план розыскных мероприятий, потом опрос свидетелей, осмотр места происшествия, дактилоскопия. Ну, в общем, все как у нормальных ментов...

Он нес какую-то околесицу, чтобы хоть немного замаскировать охватившее его смятение, и даже не заметил, как непроизвольно перешел с древнеегипетского, на родной, русский язык.

Упуат заворчал.

«Ой-ой-ой! Я, кажись, чуток зарвался», – спохватился юноша.

Наследник престола обалдело пялился на вконец рехнувшегося неджеса.

– Херихеб! Херихеб! – повторял он словно заведенный.

«Херихеб», насколько помнил Данька, был жреческим титулом и означал «обладающий праздничным свитком папируса». Этот самый «праздничный свиток» был неким таинственным сочинением, сводом заклинаний, обладающих силой оживлять умерших и вызывать богов. Египтяне приписывали херихебам обладание магической силой и считали их могущественными волшебниками.

«А парень-то никак впал в священный транс, – предположил археолог. – Надо спасти гордость и надежду Египта».

Он свистнул Упуату и скосил глаза в сторону Джедефхора. Путеводитель чутко уловил суть ситуации и выбрал наиболее радикальный метод лечения. Вразвалочку, с ленцой он подошел к принцу и ласково, но ощутимо цапнул его за руку.

– Ой! – воскликнул парень. – Больно же!

– Великий Дуат! – проворчал под нос волчок. – Отошел.

Царевич недоверчиво посмотрел сначала на ушастого, потом на Даньку.

– Ты слышал? – пролепетал заплетающимся языком, – Он и впрямь что-то сказал?

– Тебе показалось, – поспешил успокоить его Горовой. – Это такая умная собака, что мне самому иногда кажется, что она, то есть он, умеет разговаривать.

Видно было, что Джедефхор не поверил ни единому слову, однако настаивать не стал. Мало ли какие тайны хранят эти херихебы.

– А если говорить серьезно, – вздохнул москвич, – то

нелегкую ты мне задал задачку, твое высочество. Многое приходилось мне делать, но чтобы вот так, найти человека, затерявшегося в многотысячном городе или, того хуже, где-нибудь посреди огромной пустыни... – Он махнул рукой. – Что же делать?

Во взгляде голубоглазого было столько неподдельного отчаяния и простодушной надежды, надежды на то, что вот только он, Данька, и никто другой, сможет помочь в беде, что археолог просто не смог разочаровать этого неплохого по сути парня.

– Будем искать!

«Не можем же мы допустить, чтобы наш мир лишился первого из своих семи чудес!»

Глава пятая

НАПАДЕНИЕ

Как Даниил ни отнекивался, но принц решил подбросить его домой. Мало ли что по пути может случиться. Один уже исчез. Хемиун. Вслед за ним пропали еще несколько доверенных людей фараона.

– Э-э-э! – возмутился Данька. – Этого ты мне не говорил! Так, выходит, были еще пропажи?

Судя по выражению лица Джедефхора, он корил себя за несдержанность языка. Голубоглазый попытался сделать вид, что ничего не расслышал. Ладя как раз подошла к противоположному берегу, и царевич отдал Рахотепу и его отряду распоряжение следовать за ними по суше вдоль реки до места, где нужно будет высадить «достойного Джеди».

Рахотеп с удивлением покосился на неджеса. Надо же, «достойный»! С каких это пор простолюдинов стали именовать как благородных? Наверное, он что-то упустил из виду.

Археолог тоже отметил, как его поименовал принц.

Это означало, что теперь статус «младшего помощника писца» изменился. Из мелких клерков он переведен если не в ранг вельмож, то по крайней мере в разряд крупных государственных чиновников. Когда они вновь отплыли на середину реки, Джедефхор подтвердил это:

– Теперь ты хему-нечер – старший жрец. Я скажу Велико-

му начальнику Мастеров, чтобы он сделал соответствующие записи.

Данька прекрасно помнил, что «Великим начальником Мастеров» называли верховного жреца Птаха в Мемфисе. Назначать жрецов имели право не только иерархи культа, но и высшие египетские сановники.

– Бриться налысо не стану! – категорично заявил Данька.

– Ладно, ладно! – рассмеялся голубоглазый. – Сохранишь свою шевелюру. Обещаю замолвить за тебя словечко перед Убаоне.

– Большое спасибо, ваше высочество, за чин и то высокое доверие, которое мне было оказано... – велеречиво начал Горовой и тут же озадачил Джедефхора, – но хотелось бы все-таки узнать: кто еще пропал, кроме принца Хемиуна?

Царевич нахмурился и недобро зыркнул на москвича. Потом перевел взгляд на Упуата, который, как показалось его высочеству, тоже с интересом ждал ответа, и решился:

– Исчезли три человека из числа «глаз и ушей фараона». Это были опытные и очень расторопные люди. На их счету не одно раскрытое преступление. И вот на тебе. Едва только они приступили к расследованию этого дела, как практически тут же пропали. Словно испарились!

– Ты больше ничего от меня не скрываешь? – с нажимом спросил археолог.

Джедефхор вскинулся. Да как смеет этот презренный неджес разговаривать в подобном тоне с наследником пре-

стола?!

И снова пересеклись взоры принца и странного черного пса. В который раз за этот день. И вновь голубоглазый спрятал подальше свою гордыню. Знать, имеет право этот чудной парень, столь необъяснимым образом научившийся грамоте, быть на равных с сильными мира сего.

– Я сказал все.

«Не верю!» – захотелось Даньке процитировать великого Станиславского.

Погруженный в невеселые мысли, он не заметил, как ни с того ни с сего вдруг занервничал Упуат. Волчок, до этого мирно лежавший на мягкой, подстилке под навесом, вскочил и нервно заозирался вокруг. Потом прыгнул к борту и вперил в воду свои желтые миндалевидные глаза. Бешено зала-ял.

– Что там такое? – забеспокоился археолог.

– Наверное, рыбу учуял или какую-нибудь пташку, – высказал предположение старший лодочник.

– Охотничек! – пожал плечами Даниил. Между тем Путеводитель и не думал успокаиваться.

Наоборот, его поведение становилось все более агрессивным. Пес то подскакивал на месте, как мячик, то отпрыгивал назад, то снова возвращался к борту. И продолжал заливи-сто лаять.

– Да что ж ты там узрел, в конце концов?! Данька поднял-

ся со своего места и, не скрывая неудовольствия, приблизился к волчку. Протянул к нему руку, желая погладить, но животное отскочило прочь и угрожающе оскалило зубы.

– На солнышке перегрелся?! – возмутился Данила. – Чего на своих бросаешься, зверюга?

Заинтересованный происходящим, к ним подошел и Джедефхор, на которого тут же обрушилась новая волна ярости Упуата.

Глядя на беснующегося пса, Данька почему-то почувствовал себя не в своей тарелке. И вовсе не из-за невежливого поведения лохматого нетеру. Ему почудилось приближение какой-то непонятной, но явной опасности. Хотя опасаться вроде бы нечего. Не выскочит же сейчас из Нила какой-нибудь нубиец с мечом наголо? Разве что...

Ах, черт, накаркал!

Метрах в двадцати от ладьи из-под воды поднялось бурозеленое бревно;

Так и есть – крокодил.

Рептилия рассекала нильскую воду весьма целеустремленно, можно даже сказать – деловито. Как-то даже и не по-животному. Вот она обогнала лодку, а затем развернулась и сделала круг вдоль их суденышка – ни дать ни взять – боевой корабль, описавший Циркуль.

Затем тварюга высунулась из воды и принялась с угрюмым любопытством разглядывать людей, столпившихся у

борта.

Монстр был на редкость уродлив – пожалуй, даже среди своих сородичей, красой не отличающихся, он явно выделялся в худшую сторону. Приплюснутая башка – широкая и тупая, с грубо обрубленной мордой, корявая, словно окаменевшая шкура, бугристый хвост. Приоткрытая пасть позволяла ясно видеть длинные острые зубы. Даньке стало еще более неудобно. Зато царский сын вовсе не казался обеспокоенным, а может – не подавал виду.

«А, ну да, эта скотина здесь тоже священная!» Крокодил резко ушел в глубину. Даниил вздохнул с облегчением.

...Как будто днище лодки ударило его по ногам, и археолог, не удержав равновесие, растянулся на досках, пребольно врезавшись лбом в килевой брус. Жалобный визг Упуата смешался с громким плеском воды.

Вскакивая, Горовой увидел, как во взбаламученной волне за бортом яростно извивается крокодилий хвост.

– Надо плыть к берегу, Же... – выкрикнул он вцепившемся руками в борт принцу, и в этот момент ладью потряс второй удар.

Будь царская ладья менее прочной, она бы, пожалуй, пошла ко дну, однако доски из отборного кедра выдержали. Но сын фараона потерял равновесие. Какие-то доли мгновения он еще отчаянно балансировал, пытаясь удержаться – и Данька ощутил подлинный ужас при мысли, что сейчас будет. И тут крокодил ударил снова, подняв гигантскую волну,

слизнувшую царевича за борт.

Одним прыжком преодолев расстояние до кормы, студент перегнулся через борт и успел-таки ухватить за руку беспомощно погружающегося в нильскую воду принца – бедолага был явно в полубморочном состоянии.

Он почти вытащил царевича из воды, как вдруг Джедефхора потянуло обратно. Даниил изо всех сил стиснул руку юноши и, едва не лопаюсь от напряжения, потянул на себя, пытаясь втащить его в лодку. В ответ рвануло так, что он поскользнулся и упал, выпустив принца. Тело парня мгновенно исчезло за бортом.

Только нечеловеческим усилием Данька сдержал – за ничтожную долю мгновения до прыжка – стремление сигануть следом. В памяти некстати промелькнули слова из какой-то медицинской книги, что смерть утопленника едва ли не самая мучительная.

Несколько секунд на обдумывание (вот тогда он почувствовал, что избитые слова о растягивающемся в критической ситуации времени – не ложь) – прыжок на корму, где в немом оцепенении застыли двое гребцов и их начальник. Подскочив к последнему, молодой человек рванул из его рук копье. Лодочник, словно замороженный, упорно не желал отдавать оружие постороннему. Пришлось попотчевать несговорчивого изрядным тумакom.

Завладев копьем, Горовой прицелился, прикидывая расстояние до крокодила, рядом с которым на волнах покачива-

лось недвижимое тело принца. Но тут чудовище издало утробный вой, от которого заложило уши, и вновь ушло в глубину.

Вместе с ним исчез и Джедефхор.

И тогда Даниил, набрав побольше воздуха, прыгнул за борт.

За спиной высоко и протяжно взвизгнул Упуат.

Сквозь мутноватую воду Данька видел, как неторопливо удаляется уродливый темный силуэт, таща за собой бесчувственное тело царевича. Несколькими рывками он приблизился к противнику и довольно ясно разглядел: монстр был не очень большим – раза в полтора длиннее взрослого человека. Острый гребень на спине, ритмично перебирающие лапы...

Но что это?

Пара зеленых мускулистых щупальцев держала тело Джедефхора, обвив его грудь.

Это... не крокодил! Что же??!

Загребая воду изо всех сил, отталкиваясь руками и ногами, Даниил плыл за жуткой тварью. Насколько он помнил, убить крокодила холодным оружием можно было двумя способами – либо ударить его в глаз, поражая мозг, либо вспороть брюхо. Попробовать, что ли? Но выдержит ли копье удар о такую махину?

Оружие тянуло вниз, на дно, напряжение рвало мышцы.

Внезапно он обнаружил, что ситуация поменялась.

Заметив его и, видно, решив на всякий случай ликвидировать возможную угрозу, рептилия развернулась и теперь плыла прямо на Горового, волоча свою жертву по илистому дну.

И тут Данька во вспышке спасительного озарения понял, что нужно делать.

Выскочив на поверхность, он изо всех сил вдохнул воздух, а потом нырнул, не мешая весу копья тянуть себя вниз.

Приблизившись, мерзкое пресмыкающееся затормозило, готовясь к последнему броску.

Даньке показалось, что желтый глаз чудища блеснул почти человеческой – уж точно не звериной – злобой. Страшилище раскрыло страшную зубастую пасть, явно собираясь одним движением покончить с археологом. И тогда, в кратчайший миг собрав все силы, которые у него еще оставались, парень ударил копьем прямо туда. В эту оскаленную злобную морду.

Он услышал мерзкий чмокающий звук, словно лопнул пузырь, и копьё, почти не встречая препятствий, глубоко ушло в тело хищника. Тяжелое и длинное трехгранное лезвие из черной бронзы, насаженное на древко первосортного железного дерева в два пальца толщиной вонзилось прямо в раскрытую пасть чудовища, пробив гортань, пищевод и что еще у него там было.

Через секунду сомкнувшиеся зубы перекусили прочнейшее древко, как соломинку, но дело уже было сделано.

Хрипя и пуская пузыри, мерзкое животное задержалось в конвульсиях, попыталось отмахнуться щупальцами... И так отпустило Джедефхора!

Уже видя красные круги перед глазами, Данька умудрился ухватить принца за волосы и что есть мочи устремился вверх.

Как он доплыл с грузом до болтавшейся на волнах лодки, Горовой помнил плохо. Сквозь туман видел руки гребцов, помогающих ему взобраться на борт и поднять туда же тело наследника престола.

Чуть отдышавшись, Данька бросил взгляд на спасенного. Смуглое прежде лицо теперь казалось серо-синеватым, пульс на шее не прощупывался. Лишь вцепившись в запястье царевича, он ощутил пальцами тонкий, как ниточка, ритм сердцебиения, готовый, казалось, в любой момент прерваться.

Прикрикнув на гребцов, вопящих и стенающих над телом своего юного владыки, поверженного злыми чарами, археолог собрался приступить к реанимационным процедурам. При этом он поневоле прикидывал – каким именно египетским казням и в какой последовательности подвергнут злого колдуна Джеди, совершившего злодейское покушение на принца посредством вызванного из неведомых бездн крокодила. Как всегда, понадобится крайний. И лучшей кандидатуры, чем он, не найти.

Но тут из-под настила на корме выполз дотоле незамет-

ный Упуат и принялся, повизгивая, лизать царевича в лицо. Государев сын зашевелился, судорожно закашлялся. Из его рта хлынула вода.

Он раскрыл глаза, обвел мутным взглядом окружающий мир. Лицо и взор выражали крайнее недоумение тем, что он еще жив.

– А... где себек? – еле слышно спросил голубоглазый.

– Я его прикончил, не беспокойся... ваше высочество, – ответил Горовой, ощутив, как наваливается обессиливающая усталость и как подступает запоздалый страх.

– Ты спас меня... – констатировал Джедефхор. – И добавил еле слышно: – Брат мой...

Приподнявшись, археолог выглянул из лодки.

Метрах в пяти от них кверху брюхом плавала неподвижная туша крокодила. Щупальца медленно колыхались на волне.

«Если б мне про такое кто рассказал – не поверил бы», – подумал Даниил, вспоминая недавнюю схватку. Он прикинул – какие у него были шансы. Страх вновь сдвинул сердце.

«Ничего, теперь уже можно бояться».

Вдруг крокодил задергался, засучил короткими лапками – при этом выпустив длиннющие когти, которым позавидовала бы любая гарпия. Пару раз хлопнул по воде щупальцами (Данька инстинктивно отпрянул), затем ловко свернул их спиралью, как ковбой лассо, и втянул их в открывшиеся на груди карманы. Потом, не переворачиваясь, нырнул – только

его и видели.

Почти с восхищением археолог посмотрел вслед столь живучему созданию.

«Прямо не крокодил, а Терминатор какой-то!!» – припомнился герой американских комиксов, которыми он зачитывался в детстве.

Упуат проводил монстра злобным лаем.

Тут за спиной Даньки послышался плеск, лодка качнулась – кто-то взбирался на нее из воды. Парень довольно-таки сильно струхнул, решив, что это еще какая-нибудь гадость выплыла из глубин священной реки по их души (так сказать, по их Ка).

Но это оказались всего лишь телохранители, заметившие с берега неладное и решившие добраться до ладьи наследника фараона вплавь. Они переводили оторопелые взоры то на принца, то на Даниила, то на гребцов, не зная, что предпринять.

– Он спас мне жизнь, – чуть слышно пробормотал царевич и, зашедшись кашлем, вновь потерял сознание.

– Что стоите, олухи Ра небесного! – заорал Данька на замерших в ужасе гребцов, не обращая внимания на Рахотепа и стражей, с которых еще стекала вода. – Умрет принц – вас всех...

Не дожидаясь уточнения – что именно тогда их ждет, лодчики кинулись к веслам.

Через пять минут ладья уже подплывала к пристани, рас-

положенной неподалеку от дома Джеди – то есть теперь уже Горового.

Пока стражники, суется и мешая друг другу, вносили бесчувственное тело наследника престола в дом, пока невесть как оказавшаяся тут Анх в ужасе всплескивала руками и спрашивала, что она должна делать, пока посылали во дворец, Даниил и заметно ободрившийся Упуат уединились в крошечном садике у задней стены. Мимо пробежал Рахотеп, спрашивая у невесть откуда взявшегося тут Каи, где поблизости живет лекарь.

Данька подумал, что он со своими (хоть и скромными) познаниями в медицине XXII века, возможно, принес бы гораздо больше пользы, чем местный коновал со снадобьями из желчи носорога и толченых скарабеев; Но проявлять инициативу не стал – хватит с него уже на сегодня.

– Что это была за гадина? – вместо этого спросил он. – Я не знал, что у вас тут такие водятся.

– Хурсарк, – коротко пояснил Проводник.

– Какой еще гусар? – не понял Данька.

– Хурсарк – созданная акху тварь. Они берут крокодилов, змей, львов – случается, и людей, проделывают с ними разные тонкие штучки у себя там...

– Там – это где? – любопытствовал Горовой.

– Там – это значит у себя дома, – сухо отрезал пес. – Не перебивай, а слушай внимательно. Так вот – они... м-м-м –

одним словом, как у вас говорят, занимаются биотехнологией, в результате чего и получаются хурсарки. Обычно они не предназначены для убийства, но на этот раз...

– Однако! – вдруг зло рыкнул кобель. – Они совсем обнаглели, сгинуť им в безднах Дуата! Совсем обнаглели, до беспредела! Ну, ничего – наши с ними разберутся! Главный этого так не оставит. На следующем же Большом Сборе!.. Ну, это ладно, – сказал он, успокаиваясь. – А вот другое интересно: на кого они охотились? За кем из вас двоих это... гм – недоразумение богов приплыло? За тобой или за принцем? Знаешь, а ведь очень важный вопрос – кто из вас им нужен?

– А что это меняет? – буркнул парень.

– Многое, друг мой, многое, – тон у божественной собаченции был ни дать ни взять – как у учителя, объясняющего бестолковому ученику таблицу умножения. – Во всяком случае – для тебя, – ехидно закончил он.

– А вдруг акху прислали этого гусара зеленого как раз по твою душу, Открыватель Путей? – в свой черед не остался в долгу Даниил.

– Исключено, – бросил пес – Не забывай, что я в некотором роде бог, и какая-то там ящерица не может причинить мне вреда. Акху это прекрасно знают...

Внезапная злоба на этого мохнатого наглеца взметнулась в Данькиной душе, да так, что нестерпимо захотелось из всех сил поддать высокомерному кабыздоху под хвост ногой, чтобы тот летел до самого своего Дуата. Он, видите ли,

неуязвимый, а ты тут выкручивайся как знаешь!

Видно почуяв недоброе, Проводник отбежал на несколько шагов от Даниила – божественность божественностью, но подстраховаться не мешает.

– Какого же рожна ты не предупредил? – рывкнул юноша, уже не в силах сдерживаться, – Говнюк лохматый! Хрен с хвостом! Тебе ведь было приказано охранять меня, да? Сам же говорил! А если бы это бревно зубастое мной пообедало?

Сознание того, что он вот так запросто костерит бога, принесло археологу облегчение и даже что-то похожее на мстительное удовольствие.

Упуат после этих слов весь как-то съежился, виновато посмотрел в глаза собеседнику, будто нашкодивший щенок:

– Ну... я же пытался предупредить. Лаял вот... Принца помог оживить.... Ну, извини, так получилось. Ты понимаешь, Даниил Сергеевич, наши отношения, с акху они... они, в общем, не так просты и однозначны.

Тебе это будет трудно понять сейчас. Как-нибудь потом...

Данька мрачно сплюнул. Похоже, что его угораздило попасть аккурат между жерновов самых настоящих божественных разборок. Причем проливать кровь в этой войне приходится, судя по всему, именно смертным.

Принцу Джедефхору случалось переживать жестокие недуги. Однажды довелось ему быть раненым в схватке на войне с ливийцами. Но никогда еще ему не было так скверно.

Все тело болело, по груди словно бегемот прошелся, голова буквально раскалывалась. Хорошо хоть сознание было более-менее ясным.

Внезапно царевичу показалось, что он все-таки начал бредить – когда дверь комнаты словно сама собой открылась. В черном проеме он увидел изящную девичью фигуру в простых одеждах.

– Вы позволите, господин? – услышал он звонкий девичий голос, струящийся, словно горный ручей по камням. – Я пришла помочь.

Джедефхор с трудом повернул голову – боль напомнила о себе – внимательно разглядывая невесть откуда явившуюся богиню.

Она склонилась над ним – и вдруг на сердце у сына фараона стало очень легко, да и боль в груди стала ощутимо меньше.

«Уж не колдунья ли она?» – промелькнуло в голове.

– Как тебя зовут? – спросил принц, осторожно приподнимаясь.

– Анх, ваше высочество, – потупясь, сообщила девушка, протягивая ему чашу с ароматным питьем. – Я дочь Неферкаптаха, друга отца Джеди. Я как раз пришла навестить этого неразумного юношу, когда вас привезли. Вот, попейте. Этот отвар я приготовила, как меня учила моя служанка-эфиопка. Старая Комба знала толк в целительстве.

– Из твоих рук, красавица, я принял бы даже яд, – попы-

тался пошутить голубоглазый, опорожня в несколько судорожных глотков чашу.

Девушка опустила очи, и принц вдруг понял, что она и в самом деле очень красива. Нет, не той красотой, что называют ослепительной. Напротив. Эта неброская, но сильная красота раскрывается тем больше, чем дольше на нее смотришь.

И пока снадобье старой эфиопки облегчало его телесные немочи, в душе молодого человека исподволь, незаметно рождалась другая болезнь – старая как мир, лекарств от которой не знал ни этот век, ни тот, откуда родом был его спаситель.

А потом двор и дом наполнились людьми – прибыл кортеж из дворца, состоявший из трех десятков нубийских гвардейцев и полусотни придворных, возглавляемых верховным жрецом храма Нут – по совместительству главным придворным лекарем. Старикашка осмотрел принца и, не найдя серьезных повреждений (даже ребра не были сломаны), непрерываемым тоном заявил, что его высочество необходимо немедленно перевезти во дворец.

Со всей осторожностью и почтением царевича погрузили в пышный паланкин, несомый четырьмя мощными чернокожими рабами.

У ворот голубоглазый приказал остановиться и подозвал Даниила и Анх.

– Что ж, – вымолвил Джедефхор, закашлявшись, – я сей-

час покидаю вас. Благодарю еще раз тебя, о, Даровавший сегодня мне жизнь вторично. Завтра, до полудня, ожидаю тебя во дворце. Я подумаю, как достойно вознаградить тебя, подумай и ты – чего хочешь попросить. – Он перевел дух и продолжил: – И пусть твоя душа, Джеди, и твоя, о, – прекрасная, – кивок в сторону девушки, – пребывают в радости...

– Приветствую тебя, Мастер!

– И тебе привет, Проводник!

– Все трудишься? Что теперь изобретаешь?

– Да вот, решил кое-что усовершенствовать в системе охлаждения.

– И как, получается?

– Великий Дуат его знает! Надо бы провести эксперимент.

– Как раз кстати.

– А что такое? Ты какой-то сам не свой. Исхудал, одичал.

В чем дело?

– Все задание, будь оно неладно! С этими людьми невольно опускаешься до их уровня.

– Тяжелый случай?

– Я бы сказал, запущенный. Непланный путешественник в Дуате. Да еще эти наглецы акху снова нарушили перемирие. Ну, ты, наверное, знаешь. Главный докладывал на Совете.

– Меня как раз не было. В очередной раз пытался связаться с Тотом.

– Успешно?

– Какое там! Молчит Носатый... Так что ты там говорил насчет эксперимента?

Глава шестая

ИСПЫТАНИЕ

– Джеди, просыпайся, нас ждут великие дела! – раздался над ухом истошный вой, очень похожий на сирену.

Данька недовольно поморщился и открыл один глаз. В комнате царил полумрак.

– Что тебе нейдет в такую рань, небожитель непуганый?

– Вставай, вставай, лодырь! Здесь принято рано являться на службу. К тому же тебе необходимо срочно привести себя в порядок. Только глянь, на кого ты похож!

Волчок положил на кровать рядом с парнем бронзовое зеркало. Надо же, приволок откуда-то. Вчера этого предмета здесь не было. Или это Анх забыла впопыхах?

Посмотрел в отполированную до блеска темно-золотистую поверхность.

Да, с этим явно нужно что-то делать. Небритый, на щеках и лбу засохшие царапины, под левым глазом большой темный фонарь. Фу, какой срам. До чего же он одичал в этом допотопном времени. А еще пришелец из будущего называется!

Путеводитель, явно прочитав на лице подопечного ход его мыслей, удовлетворенно затаивал:

– Видишь, видишь! Не нравится! Думаешь, фараону Хуфу придется по вкусу твоя помятая харя?

– При чем здесь фараон? – вскинулся археолог. – Кажется, Джедефхор приглашал меня в гости к себе, а не к своему отцу?

– Ну, ну! – многозначительно подмигнул Упуат. – Ты еще не знаешь местного владыку. Ни одно мало-мальски значительное событие не проходит мимо внимания Его Величества. А здесь такое, такое! Он патетически воздел глаза горе:

– Покушение на наследника Та-Мери! Отважный неджёс спасает его высочество из пасти ужасного чудовища!

– Тебе бы на телевидении работать, – невольно улыбнулся Горовой. – Или в газете. Ты знаешь, что такое газета?

– Обижаешь! – надулся волчок. – Да будет тебе известно, у меня квалификация специалиста по связям с общественностью. Думаешь, зря меня на это безнадежное дело кинули?..

Он вдруг прикусил язык. Данька напрягся.

– Это я-то «безнадежное дело»?

– Да ладно тебе! – залебезил ушастый нетеру. – Я же просто так. Что ты к словам цепляешься.

– Между прочим, я не просил вас перемещать меня во времени и пространстве.

– Но сохранение Маат – Высшего порядка требовало...

– Плевал я на ваш Маат с высокой колокольни! Данька вскочил с кровати, едва не наступив Упуату на хвост, и нервно зашагал по комнате туда-сюда. Волчок опасно следил за его передвижениями.

– Тебе нужно расслабиться! – заявил он внезапно. – Я это

предвидел и кое-чего припас.

Пулей вылетев на кухню, нетеру тут же вернулся, неся в зубах небольшой глиняный горшочек.

– Что это? – Данька опасливо повертел в руках посудину.

– Подарочек от братца Хнума! Экспериментальный образец! Новый сорт пива. «Золотые рога» называется!

– Я с утра вроде как не пью, – попробовал отказаться от неожиданного подарка археолог.

– Давай, давай, откупоривай! – поторопил Путеводитель. – Мастер утверждает, что это что-то необыкновенное. Тонизирует лучше любого лекарства. Я сам еще не пробовал.

Пес плотоядно облизнулся.

Данька сорвал глиняную крышку и принялся к содержимому горшка. Пахло необычно. Отнюдь не перебродившим с хмелем ячменем, а чем-то напоминающим смесь высокогорных трав с луговыми цветами. Прямо элитный французский парфюм для мужчин. Но можно ли это употреблять обычному человеку, а не существу неземного происхождения?

Покосившись на Упуата, археолог увидел, что тот напряженно наблюдает за Данькиными манипуляциями с сосудом.

– Не хочешь отведать? – сунул ему горшок под нос Горовой.

Волчок испуганно отшатнулся, и в голову Даниила полезли всякие нехорошие мысли.

– А ну пей! – тучей навис он над ушастым. Путеводитель

с самым несчастным видом затряс головой.

– Мне нельзя!

– Пей, тебе говорю, отравитель хренов!

– От отравителя слышу! – возмутился Упуат. – Я же тебе нормальным человеческим языком говорю: мне нельзя.

– Врешь!

– Клянусь Великим Дуатом! Открыватель Путей понурил голову.

– Понимаешь, – вздохнул совсем по-человечески. – Проблемы у меня с этим делом. Как выпью чуток, так сразу и несет меня по наклонной...

– Неужели запои?! – не поверил Данька.

– Ага, – всхлипнул волчок. – Они самые. Вот Главный и велел мне закодироваться. Пригрозил, что, если еще раз сорвусь, отправит назад со всеми потрохами. И еще характеристику соответствующую составит, чтобы меня в три шеи со службы выгнали. А оно мне надо? Так что пей и не сомневайся. Хнум – он в своем деле разбирается. Не зря же Мастером зовут.

Молодой человек осторожно припал губами к кринке и, зажмурившись, отхлебнул самую малость. В нос сразу же ударили смешные пузырьки. Напиток был очень резок, как газировка или шампанское. Глотнув, Горовой прислушался к своим ощущениям. Вроде бы ничего. Пить можно. Хлебнул еще раз, на этот раз побольше.

– Ты смотри, очень даже недурственно!

– А я что говорил, – с убитым видом молвил Упуат. Пиво, если это можно было так назвать, отличалось изысканно-тонким вкусом. Данька не был профессиональным дегустатором, однако без особого труда уловил в напитке привкус меда и... земляники. Но откуда в пустынном Египте взяться столь экзотическому продукту? Было в «Золотых роггах» Хнума еще что-то смутно знакомое, но что именно, археолог, хоть убей, не мог вспомнить.

– И как, правильное пиво? – спросил Путеводитель.

– Правильное! – подтвердил юноша.

Такой напиток нельзя было употреблять бездумно: скоренько, на ходу опрокинул кружку и потопал себе дальше. Нет. Его нужно пить медленно, растягивая наслаждение, чтобы прочувствовать вкусовую гамму. Данька заметил, что после третьего глотка вкус пива как-то изменился. То же произошло и после четвертого.

«Ничего себе! Пиво-хамелеон!» – Не хочешь ли еще раз взглянуть в зеркало? – невинно поинтересовался Упуат. Даниил с неохотой оторвался от чудо-горшочка и покосился на свое отражение в бронзовой отполированной пластине.

О-го-го! Не может быть.

Парень с недоверием ощупал лоб и щеки. Гладко, как у младенца. Нет ни царапинки, ни синяка. Словно и не бывало. Да и щетина куда-то подевалась.

– Омолаживающий эффект! – констатировал волчок. – Да, дорого бы дали местные стареющие красотки, чтобы от-

ведать этого пойла! Я вот все думаю: не предложить ли братцу Хнуму открыть при одном из его храмов пивоварню со мной на паях? Загребали бы золото лопатой.

– Ладно, – прекратил он меркантильные мечтания, – кончай пиво трескать, алкаш! Пора топать во дворец!

Горовой чуть не поперхнулся от возмущения. Надо же, алкаш! Чья бы корова мычала! Но препираться не стал. Пора так пора. Местному аборигену лучше знать, когда здесь принято являться в гости.

– Кстати, – мимоходом обронил Упуат, когда они были уже на полпути ко дворцу Джедефхора, – у нас тут планчик нарисовался...

Данька сжал зубы, нервно поиграв желваками.

– И не обрыдло тебе в сыщиков-разбойников играть? «Мы», «у нас», «там». Кто? Где? Когда? Что вы меня за идиота или несмышленища держите! Объяснили бы лучше, что к чему, и дело с концом! Или умом еще не дорос, чтобы постичь ваши божественные премудрости?

– Не кипятись, не кипятись! – осадил его Путеводитель. – Мы пока еще присматриваемся к тебе. Думаю, скоро ты получишь ответы на кое-какие терзающие тебя вопросы. Согласись, делиться секретами с малознакомым типом – это неразумно и даже опасно. Причем для обеих сторон.

Археолог вынужден был признать, что в словах волчка есть рациональное зерно.

– Вот видишь! – обрадовался ушастый. – Ну, так слушай внимательно и не перебивай...

Когда он закончил, Данька возмущенно замахал руками:

– Не согласен! То, что ты предлагаешь, – это мифотворчество какое-то, богостроительство. Смотрите все: смертельный номер, на арене Джеди – великий и ужасный! Так вы из меня, чего доброго, тоже бога сделаете. Возведут в мою честь храм со статуей и будут поклоняться!..

– Не преувеличивай! – отмахнулся хвостом Открыватель Путей. – В лучшем случае сложат сказку и все. Ты не сделаешь ничего, выходящего за рамки обычного фокуса. Наведение иллюзии, которую частенько практикуют местные жрецы, и в первую очередь херихебы. Не стоит разочаровывать двор. Покажи им класс!

– Да я уже вроде бы показал его, когда спас наследника престола. Разве нет? По-моему, фараон мне обязан...

Волчок пренебрежительно скривился и сплюнул:

– Ничем, ровным счетом ничем. Забываешь, что Джедефхор – всего-то один из многочисленных отпрысков государя. Умрет он, что ж, такова воля богов. Наследником станет другой. Своим подвигом ты приобрел одного могущественного друга и десяток не менее могущественных врагов.

– Неужели?! – изумился парень.

– А вот увидишь... – туманно пообещал Упуат.

Четвероногий нетеру словно в воду глядел.

Едва они появились на пороге канцелярии Джедефхора,

как голубоглазый с взволнованным видом налетел на Даньку и закричал:

– Где тебя демоны носят?! Я уже хотел отряд Рахотепа за тобой посылать!!

– А что такое? – не понял причины бури студент. – Или обнаружились какие-нибудь новые факты по делу Хемиуна?

Принц досадливо отмахнулся:

– Какой там Хемиун! Тебя желает видеть сам фараон, жизнь, здоровье, сила!

«Интересно, – промелькнуло в голове у Горового, – откуда это мохнатый все наперед знает? Словно в волшебное зеркало смотрит».

– Надо бы тебя приодеть как следует, – критически осмотрел Даньку царевич. – Все-таки в первый раз будешь официально представлен Владыке Двух Земель.

– Что-нибудь не так?

По мнению самого Даниила, выглядел он вполне сносно. Еще вчера, узнав от наследника о предстоящем у него во дворце торжественном приеме по случаю чудесного избавления принца от зубов крокодила, Анх развернула бурную деятельность. Притащила из дома новую рубаху из тончайшего льна (подарок Неферкаптаха, пораженного свалившейся на Джеди небывалой удачей), новый же гофрированный передник (из того же источника) и богато отделанный пояс (это уже сама вышивала, намереваясь подарить парню после успешного окончания им школы писцов). Так что экипиро-

ван Данька был не хуже самого Джедефхора.

Однако голубоглазого этот наряд отчего-то не устраивал.

– Нужно бы что-нибудь соответствующее твоему новому чину, – нетерпеливо щелкал он пальцами, лихорадочно шаря взглядом по канцелярии.

Внезапно царевич хлопнул в ладоши:

– Ага! Вот оно!

– Чипсеска! – обратился наследник к начальнику своих писцов. – Иди-ка сюда.

Кисломордый жрец, опасливо косясь на Упуата и Даньку, приблизился и отвесил принцу почтительный поклон.

– Что это, ты никак себе обновку прикупил? – ткнул ему Джедефхор пальцем в грудь.

Бритый жрец осклабился. Сегодня он красовался в новенькой, переливающейся в лучах солнца леопардовой шкуре.

– Снимай немедленно! – категоричным тоном приказал царевич.

Улыбка сползла с лоснящейся довольством рожи Чипсески.

– Но к-как же... – попытался он возражать, но Джедефхор перешел к активным действиям.

Одним рывком сорвал со жреца ритуальное одеяние, явив присутствующим его жалкую, тщедушную фигуру с выпирающим животиком, и протянул пятнистую накидку Даньке.

– Одевайся!

– И-ик! – издал горловой звук Чипсеска и схватился за сердце.

– Что? – не понял Даниил, снимая рубаху и облачаясь в шкуру.

– Охальник! Богохульник! Еретик! – сыпанул оскорблениями жрец. – Да как ты смеешь рядиться в священные одежды!

Археолог отметил, что все упреки относятся лично к нему. Открыто критиковать поступки наследника кисломордый не осмелился.

Тут раздался угрожающий рык Упуата. Волчок подошел вплотную к жрецу и показал ему свои белоснежные клыки. Чипсеска поперхнулся и испуганно захлопнул рот. Инцидент был улажен.

Дворец Джедефхора, находившийся неподалеку от резиденции фараона, был почти точной ее копией, только в миниатюре. В этом Данька смог воочию убедиться, очутившись уже в саду, окружавшем обитель повелителя Верхнего и Нижнего Египта. Те же квадраты и прямоугольники, разделенные перекрещивающимися тенистыми аллеями из деревьев и виноградных шпалер с цветниками. Масса фруктовых деревьев, среди которых прятались изящные беседки и павильоны. И даже облицованный камнем пруд с плавающими в нем лилиями. Правда, не в пример водоему царевича, овальной, а не прямоугольной формы.

Вдали возвышалась громада дворца. Но Джедефхор, к удивлению Даниила, туда не пошел, а свернул к пруду, на берегу которого стояла толпа зевак в дорогах одеждах. Один или двое со скучающим выражением лиц обернулись на подходивших к ним молодых людей и черного пса, похожего на волка, поприветствовали наследника и опять повернули головы к пруду. Глянул и Данька, заинтересовавшийся, что же они там нашли любопытного.

По зеркальной глади плыла длинная ладья. Гребцами на ней были двадцать девушек, усевшихся в два ряда вдоль бортов. Позади них, на кормовой части лодки сидели еще две красавицы, каждая из которых руководила греблей «своего» ряда. Эти девушки что-то пели в такт взмахам весел, вероятно задавая ритм.

«Эх, меня бы в этот цветник», – вздохнул Данька.

Девчонки и впрямь были как на подбор: что руководительницы, что их подчиненные. Все молоденькие, не старше четырнадцати-пятнадцати лет, с красивыми стройными телами и густыми волосами, заплетенными в косы. Присмотревшись, москвич заметил, что девушки были практически обнаженными. То, что он сначала принял за блестящие одежды, было всего лишь расшитыми бисером сетками, надетыми прямо на голое тело.

На корме также стояло кресло под балдахином, в котором расположился мужчина средних лет. Голова его была покрыта царским платком-немесом.

«Фараон Хуфу», – без труда догадался археолог.

Государь, склонившись к одной из певиц, говорил ей нечто ласковое. Зарумянившаяся красавица смущенно улыбалась.

«Вот старый развратник!» – чуть не сплюнул в сердцах Горовой.

– Держи себя в руках, – услышал он негромкое рычание Упуата.

Джедефхор, положив руку на плечо Даниила, увлек его за собой.

Парни подошли к невысокому коренастому юноше с резкими чертами лица. Что-то неуловимо знакомое померещилось археологу в его облике. Что именно, он понял после того, как наследник назвал молодого человека по имени.

– Хафра, позволь познакомить тебя с моим вчерашним спасителем.

Точно! Как же это он сразу не узнал знаменитого строителя второй пирамиды? Ведь Данька неоднократно встречал репродукции скульптурных портретов этого человека в литературе, да и имел случай лицезреть «живьем» в Каирском музее его статую из черного диорита. Конечно, стоявший перед ним подросток мало походил на надменного, с презрительно сжатыми губами властителя огромной державы, облик которого запечатлеют ваятели лет этак через пятнадцать. Но кое-какие из черт будущих портретов в Хафре просматривались уже сейчас – непомерно раздутое самомне-

ние и гордыня, холодный взгляд.

Этот ледянящий душу холод, исходивший из стального цвета глаз царевича, Данька тут же почувствовал на себе и невольно поежился.

Хафра не произнес ни слова. Лишь вперил глаза в археолога и, казалось, чего-то ожидал. У Горового непроизвольно подогнулись ноги. Он встал на колени и произнес традиционное приветствие, с которым было принято обращаться к принцам:

– С миром, с миром, Хафра, царский сын, любимый отцом своим! Да отличит тебя отец твой Хуфу, да выдвинет он тебя среди старших! Да одолеет твой двойник Ка твоего противника, да ведает твоя душа Ба пути, ведущие к вратам «Того, кто укрывает усталого»!

Царевич кивнул и отвернулся к брату. Данька заметил, как дернулся уголок рта Хафры, когда тот услышал пожелание «быть выдвинутым среди старших». Еще бы! Ведь он был всего лишь третьим сыном (если не считать самого старшего, Хемиуна, не имевшего права наследования). Как это, должно быть, невыносимо – быть третьим, а не первым или хотя бы вторым. Насколько ты далек от вожденной двойной Короны Та-Мери.

Братья обменялись несколькими ничего не значащими фразами общего характера: о погоде, о здоровье, о предстоящем празднестве. Потом Джедефхора отвлек какой-то жрец, и Хафра отошел в тень финиковой пальмы. Данька готов был

поклониться, что оттуда так и сыпались льдинки, выпускаемые очами-холодильниками принца.

От дальнейшего конструирования психологического портрета Хафры его отвлек громкий шум, доносящийся со стороны пруда. Юноша посмотрел на ладью. Что это там за сумятица?

Одна из певиц горько рыдала, закрыв лицо руками. Фараон пытался ее утешить, поглаживая то по плечу, то по волосам, отчего-то вдруг распутившимся. Помогало, как видно, слабовато. Девушка заливалась все пуще. Ее плач перешел в настоящую истерику.

Хуфу нервно махнул рукой, и лодка устремила к берегу. – Ну вот, – удовлетворенно пробурчал над ухом археолога Упуат, – кажется, начинается. Вставай, хему-нечер, а то колени протрешь. Чай, не казенные.

Археолог удивился. Как это он не заметил, что до сих пор стоит на коленях. Нет, точно этот Хафра обладает даром гипнотизера. Вон как лихо его обработал. А ведь Данька всегда считал себя неподатливым к постороннему внушению.

А вдруг прыткий парнишка и до трона дойдет тем же способом? Внушит Джедефхору, что тот должен отречься от престола в его пользу, потом те же мысли навевает Джедефра. И дело в шляпе. Впрочем, Джедефра будет править сразу же после своего отца, обойдя законного наследника престола.

«Почему?» – в очередной раз задумался юноша над загадочной голубоглазого.

Царская ладья причалила к берегу. К ней тотчас же устремились невольники и царедворцы. Рабы бросились под ноги повелителю, соорудив из собственных тел своеобразный мост, по которому живой бог сошел на землю. Вслед за ним тем же путем прошла и всхлипывающая певица. Затем «мост» распался, и невольники дружно принялись помогать выбираться из челна и остальным девушкам.

На полянке поднялся такой шум и гам, что Данька немного растерялся. Ему уже давно не приходилось видеть и слышать столько возбужденных девушек сразу. Ну, разве что в стрип-баре во время его достопамятного дебюта в качестве исполнителя эротических танцев.

– Молча-ать! – рявкнул Хуфу, и сутолока вмиг улеглась.

Пройдя, как ледокол, сквозь людскую толпу, государь приблизился к резному трону, стоявшему в богато украшенной беседке, и уселся, грозно буравя окружающих колючим взглядом. Поймав на себе этот взгляд, Горовой понял, в кого пошел ледяной человек Хафра. Не врет народная мудрость насчет того, что яблочко от яблоньки недалеко падает.

– Аида, – скрипучим голосом обратился фараон к расстроенной девушке, – подойди сюда, дитя мое.

Плавнo, как будто не касаясь ногами земли, мимо Даньки проплыла стройная темноволосая красавица. Она была до того хороша, что парень чуть не присвистнул от удивления и восторга. Певица это заметила. Ее черные, подрисо-

ванные сурьмой глаза на неуловимый миг остановились на стройном мускулистом теле археолога, и парню показалось, что во взгляде девушки промелькнула искра живого интереса.

– Не строй иллюзий! – охладил его пыл Упуат. – Новая любимая игрушка фараона.

Певица подошла к трону, поклонилась владыке и уселась у царских ног на услужливо подставленную ей кем-то из придворных раскладную скамеечку. Хуфу положил ей на голову свою левую руку и начал задумчиво перебирать пальцами длинные густые локоны девушки.

– Кто она?

Волчок не успел ответить, так как к ним подошел Джедефхор.

– Не повезло же нам с твоим первым представлением государю! – с досадой крикнул наследник.

– Что так? – совсем не расстроился Данька, которому и так уже по горло хватало впечатлений от сегодняшнего дня.

Побывать при дворе самого фараона Хеопса, видеть его, познакомиться с Хефреном – об этом не мог и мечтать никто из археологов грядущего.

– Видишь ли, – шутовским тоном пояснил голубоглазый, – папенькина рабыня потеряла новую заколку. Горе-то какое! Впору всему двору облачиться в траурные одежды. Или того лучше – всем сразу утонуть в пруду, разыскивая пропажу. Великая жертва во славу фараона!

В голосе парня слышалась плохо скрываемая досада. Он, по всей видимости, не одобрял поведения отца.

– А кто эта девушка?

– Дочь эфиопского царя. Наложница.

– Эфиопка? Почему же тогда она такая светлокожая?

Принц поморщился. Тема, затронутая Даниилом, ему не импонировала.

– Сразу видно, что тебя воспитывали не при царском дворе. Мне с детства вдалбливали в голову родословные наших соседей – врагов и друзей. Так вот, эфиопские цари из нынешней правящей династии все светлокожие и ужасно этим гордятся. Предание гласит, что основателем их рода был белокожий рыжий варвар, пришедший откуда-то с севера и мечом завоевавший себе престол. К тому же матерью Аиды была критянка...

– Сын наш, Джедефхор, – внезапно повернулся к ним лицом владыка. – Подойди сюда.

Царевич пошел на зов, а к Даньке вновь подскочил Путеводитель и еле слышно заворчал:

– Приготовься! Сейчас начнется! Что бы ни происходило – не удивляйся и не трусь...

– Джеди, приблизься! – торжественно и громко провозгласил наследник. – Его величество желает лицезреть тебя у своих ног!

Парень размеренной, полной достоинства походкой подошел к трону. Его путь сопровождался завистливыми взгля-

дами и язвительными комментариями обойденных царским вниманием царедворцев:

– Откуда он?

– Кто его знает? Говорят, бывший неджес.

– Выскочка! Грязный простолюдин.

– А держится, словно принц по крови!

Даньку так и подмывало сунуть кому-нибудь кулак в зубы, чтоб неповадно было зубоскалить на чужой счет. Но он стойко держался.

«Желает лицезреть у ног? Это как же понимать? В буквальном смысле, что ли?»

С сожалением посмотрев на новенькую леопардовую шкуру, снятую с плеча бедолаги Чипсески, молодой человек растянулся в пыли у подножия трона. Полежал так недолго, пока его плеча не коснулась нога в металлической сандалиии. Студент поднял голову и увидел, что рамена его попираются не чьей-нибудь наглой лапищей, а стопой самого владыки Двух Земель. Обувка на ней была из чистого золота.

«Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички на ногах ваших? – вспомнилось из Николая Васильевича Гоголя. – Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать...»

– Встань, неджес! – проскрипела несмазанная дверь. – Покажи свое лицо.

Данька поднялся и инстинктивно отряхнул одежду, подняв клуб пыли.

Фараон сморщил нос и громко чихнул. Роящиеся вокруг трона, словно мухи у блюда с вареньем, вельможи в ужасе шарахнулись в разные стороны. Два гигантских негра-нубийца схватились за свои острые бронзовые мечи. Красавица же эфиопка сначала улыбнулась, а когда его величество изволило чихнуть еще три раза кряду, так и вовсе захихикала. Хуфу покосился на нее и расплылся в сладострастно-медовой улыбке. Потом снова обратился к Даниилу.

– Хе-хе! А ты дерзок, неджес. Хотя что с тебя, мужика неотесанного, взять? Ты хоть немее на себя надень, а не леопардовую шкуру, все равно хамом и останешься.

Царедворцы угодливо закивали головами.

Джедефхор покраснел от распиравшей его обиды за своего спасителя. Прекратила смеяться и певица. Закусив тонкие губы, она исподлобья рассматривала неловко переминающегося с ноги на ногу парня.

– Сын поведал нам о твоём благом поступке и о чудесных способностях, проявившихся в тебе по воле святых богов. За первое хвалу в твою честь возносит вся Земля Возлюбленная, а за второе ты сам должен быть благодарен всеблагим нетеру...

Пафос государевой речи был нагло прерван очередным «апчхи».

– Мы уже дали поручение казначею, чтобы он выплатил тебе определенное вознаграждение. Небольшое, – поспешил оговориться фараон, – но ощутимое.

Кроме того, наследник уже одарил тебя чином. Так что твоя душа Ба должна радоваться.

– Она радуется! – заверил повелителя Данька и легонько поиграл мускулами, как это делают культуристы.

Не для царя, конечно, а для прекрасной певицы, продолжавшей пожирать статного парня очами.

– Не хочешь пойти в нашу гвардию? – по достоинству оценив его богатырское сложение, бухнул вдруг фараон, чем несказанно озадачил археолога.

Парень опешил, не зная, что сказать.

– Государь! – поспешно вмешался Джедефхор. – Я докладывал, что возлагаю на хему-нечера Джеди особые надежды. По очень важному делу!

– Да, правда, – легко согласился Хуфу. – Но одно другому не мешает. Можно и в гвардии служить, и важными делами заниматься. Как, неджес?

«Вот же попал, как кур в ошип!» Переносить тяготы и лишения гвардейской службы Даньке не хотелось.

– Боги призвали меня к иной миссии! – начал он вдохновенно, вздев очи горе. – По воле Великой Девятки я должен стать ищейкой Ра-Атума! И не мне изменять святое предназначение!

У фараона от неожиданности отвисла челюсть. Как будто заговорила одна из статуй богов, во множестве стоявших в царском саду.

– Ты смеешь перечить своему государю? – растерянно

проскрипел сверчок.

– Не я, о всемогущий, жизнь, здоровье, сила! Так велит небо!

– Тебе ли, грязному неджесу, толковать волю небес?! – задергался в нервном тике Хуфу. – Для этого есть специально обученные люди! Не тебе чета!!

Он вскочил с трона, гневно затопал ногами.

Джедефхор метался в панике, соображая, чем помочь новому другу. Принц отлично знал, каков бывает его отец во время таких вот внезапных вспышек ярости. Неожиданно выручила Аида.

Девушка схватила государя за руку и припала к ней губами, а свою прекрасную головку прижала к царскому бедру. Хуфу подавился уже готовой вырваться наружу бранью.

– Повелитель, – не давая ему опомниться, проворковала эфиопка. – Этот человек назвал себя ищейкой Ра-Атума. Испытай же его. Пусть он найдет мою заколку.

Фараон тупо посмотрел на нее, а потом рухнул в кресло и зашелся в приступе безудержного смеха.

– Ищейка! – вырывалось у него из груди во время коротких перерывов. – Пес! Орудие небес!

Веселье оборвалось столь же внезапно, как и началось.

– Слышал?! Найди заколку прекрасной Аиды! Не найдешь, пеняй на себя! Не сносить тебе головы, неджес!

Парень повертел головой, ища поддержки. Бледный Джедефхор, пряча от Даньки глаза, кусал губы. Хафра поигры-

вал толстой золотой цепью, висевшей у него на груди, и не скрывал злорадства. Юная певица с вызовом уставилась на молодого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.